ВОЛОСЕВИЧ

Большевизм

и годы

мировой

войны

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 356
В 416

В. ВОЛОСЕВИЧ

БОЛЬШЕВИЗМ
в годы
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЕН.356
В416

ПРИБОЙ

Акционерное Общество

„Советская Энциклопедия“ Госиздат РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

МАЛАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гл. редактор Н. Л. Мещеряков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. М. Бухарин, Д. Л. Вейс, М. Б. Вольфсон, А. И. Догадов, А. Ф. Кон, С. В. Кассиор, А. Е. Криницкий, Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, Н. М. Лукин-Антонов, Н. Л. Мещеряков, В. П. Милютин, Н. Н. Накоряков, Ф. Ф. Раскольников, Я. Э. Стэн, О. Ю. Шмидт.

РЕДАКЦИОННОЕ БЮРО:

Заместители гл. редакт. — М. Б. Вольфсон и Ф. Ф. Раскольников, помощник гл. редактора — Д. Л. Вейс, завед. контрольной редакцией — С. М. Зикс-Гладнев, председатель правления — Н. Н. Накоряков, завед. издат. частью — К. С. Кузьминский.

МСЭ — небольшая народная энциклопедия для широких масс.

МСЭ рассчитана на „средний актив советской общественности“ — городских рабочих, учащихся на разного рода курсах, на интеллектуальную и политическую верхушку рабочей массы — рабфаковцев, рабочий актив и рабочих-пропагандистов, агитаторов, учеников старших групп трудовых школ, сельских учителей, передовой слой крестьянской молодежи и всех желающих пополнить свои знания путем самообразования.

МСЭ снабжена большим количеством рисунков, чертежей, схем, портретов, карт, черных и цветных и т. д.

Условия подписки: Подписная цена за том 5 р. 50 к. Задаток 3 руб. погашается при высылке последнего тома. При получении каждого тома уплачивается по 5 руб. 50 коп. Пересылка налож. платеж. по действительной стоимости за счет подписчика, упаковка в картонных футлярах за счет издательства.

Предположительный объем издания — 6 томов

Все издание будет закончено до 1 июня 1930 г. I том вышел. Последующие томы будут выходить с промежутком в 3—3½ месяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Сектором подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19, Ленинград, центр, Пр. 25 Октября, 28, Ленотгизу; в книжных магазинах и киосках, во всех отделениях и филиалах и у уполномоченных, снабженных специальными удостоверениями на право приема подписки.

Кт

В. ВОЛОСЕВИЧ

ЕН 356
В 416

БОЛЬШЕВИЗМ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРИБОЙ

1-й экз.

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

Ленинградский Областлит № 24793.
$9^1/_4$ л. Тираж 5.000 (С, 70. 12529/Пр.)

типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР

ЕН356
В416

Р

213
29
2426
36

1041265

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Данная монография представляет собой лишь часть подготовляемого автором к печати труда по истории большевизма.

Так как, в силу целого ряда обстоятельств, из всех отделов этого труда наиболее продвинувшимся вперед оказался отдел, посвященный периоду мировой войны, то, учитывая острую потребность в работах, более или менее полно освещающих этот период истории нашей партии, автор решил поспешить с окончательной проработкой этой части своей работы и выпустить ее в свет в виде отдельной монографии, представляющей собой вполне законченное целое, не дожидаясь, пока обстоятельства и время дадут ему возможность довести до конца весь свой труд.

На протяжении всей книги, о чем свидетельствует и самое ее построение, автор ни на минуту не упускал из виду ее основного назначения — служить пособием в работе слушателей наших вузов и преподавателей истории ВКП(б); но вместе с тем автор стремился, путем максимальной популярности изложения и языка, сделать свою книгу доступной, как можно более, широким слоям читателей-рабочих, не имеющих, подобно вузовцам, специальной подготовки, но не уступающих им в своей неутолимой жажде знаний.

В. В.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

> ... «война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза».
>
> Н. Ленин.

1. ИМПЕРИАЛИЗМ — КАНУН СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА.

С точки зрения истории большевизма годы империалистической войны характеризуются выходом его на мировую арену.

Резко отмежевавшись не только идейно, но и организационно еще в 1912 г. от всех видов отечественного оппортунизма, большевизм в самом начале войны решительно поднял знамя восстания против оппортунизма международного, сплачивая революционные элементы пролетариата всех стран вокруг трех основных своих лозунгов: 1) превращение империалистической войны в гражданскую, 2) поражение своего правительства и 3) образование III Интернационала.

Для правильного понимания этих лозунгов и уяснения их значения необходимо правильное понимание причин и характера войны 1914 — 1918 гг., что в свою очередь требует правильной оценки всей эпохи капитализма XX века.

Такая оценка была сделана т. Лениным в ряде его работ периода войны, главным образом, в его книге: «Империализм как новейший этап капитализма», написанной весной 1916 г., но появившейся в печати лишь год спустя.

Поставив своей задачей уяснение «экономической сущ-

ности» современного этапа капитализма, называемого империализмом, Владимир Ильич устанавливает пять следующих основных его признаков: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами». [1]

Установив эти пять основных признаков империализма, т. Ленин дает ему следующее определение:

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». [1]

Но в своей статье «Империализм и раскол социализма», Ильич дает еще одно определение империализма, имея на этот раз в виду не только основные чисто-экономические его признаки, но и то историческое место, которое он занимает по отношению к капитализму вообще.

Это наиболее полное и точное определение гласит:

«Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть 1) монополистический капитализм; 2) — паразитический или загнивающий капитализм; 3) — умирающий капитализм». [2]

По поводу первой особенности т. Ленин замечает:

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 305 — 306.
[2] Н. Ленин. Том XIII, стр. 468.

«смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма», проявляющаяся в пяти перечисленных выше видах.

Вторая особенность проявляется в тенденции к загниванию, характеризующей всякую монополию при частной собственности на орудия и средства производства. Установившиеся на известный промежуток времени монопольные цены уничтожают в течение этого периода стимулы к введению новых технических усовершенствований и даже дают возможность искусственно задерживать применение новых изобретений. Монополия, следовательно, задерживает темп развития производительных сил и «в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени» тенденция к застою и загниванию берет даже верх. Наиболее старая капиталистическая страна, Англия, и представляет собой образец загнивающего капитализма.

На этой тенденции к загниванию нам придется еще остановиться ниже в несколько иной связи, теперь же отметим лишь, что она всецело оправдывает собой третью характерную черту империализма, как капитализма умирающего.

Монополия, создавшая «гигантское обобществление труда», подготовившая, следовательно, необходимые материальные предпосылки для перехода к социалистическому преобразованию общества, породила тенденцию к загниванию именно вследствие сохранения буржуазных отношений собственности.

Интересы развития производительных сил властно требуют теперь замены буржуазных имущественных отношений социалистическими.

Империализм является, таким образом, последним этапом в развитии капитализма; это — «уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм». [1]

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 270.

Это, конечно, ни в коем случае не означает медленного постепенного отмирания капитализма, его автоматической смены социализмом, его экономического врастания в социализм.

Империализм есть умирающий капитализм именно в том смысле, что он является периодом пролетарской революции, так как, создав все необходимые объективные предпосылки для социализма, он в то же время доводит до крайней степени обострения свойственные капитализму противоречия, вытекающие из основного противоречия между достигнутым уже уровнем производительных сил и сохранением буржуазных производственных отношений.

2. ЗАКОН НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Одним из самых ярких проявлений этого основного противоречия являются современные войны.

Пока не уничтожена путем социалистической революции частная собственность на орудия и средства производства, общественное развитие не может совершаться иначе, как путем опустошительнейших войн, уничтожающих в короткий срок колоссальные ценности, создаваемые трудом целого ряда поколений. [1]

Неизбежность войн за передел мира между крупнейшими капиталистическими державами и связанное с ними гигантское уничтожение производительных сил челове-

---

[1] Историк Н. Рожков, приведя цифру прямых и косвенных денежных потерь воюющих и нейтральных стран в период империалистической войны 1914 — 1918 гг. — 640 миллиардов золотых рублей, вполне справедливо замечает, что эта война «уничтожила почти все, что было создано рядом поколений в капиталистическом мире», ибо сумма всего национального богатства пяти таких стран, как Великобритания, Германия, Франция, Россия и Австро-Венгрия в 1915 г. определялась в 680 миллиардов золотых рублей. (Н Рожков. «Русская история в сравнительно-историческом освещении», том XII, стр. 230. Изд. «Книга», 1926 г.)

чества вытекают как прямое следствие из двух основных законов общественного развития в период империализма.

Первый закон — «порождение монополии концентрацией производства», [1] «смена свободной конкуренции монополией» — выражает собой, как мы уже видели, суть империализма, как капитализма монополистического.

Борьба за монопольное обладание рынками сбыта товаров, борьба за источники сырья, борьба за монопольное извлечение сверхприбыли из колониальных стран путем вывоза в них капиталов привела к тому, что весь мир оказался уже поделенным между крупнейшими капиталистическими державами.

Раздел земли закончен, теперь возможен лишь передел поделенной уже территории земного шара.

Определение империализма как капитализма монополистического означает «переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца». [2]

---

[1] «Порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма», подчеркивает Ильич в своей книге «Империализм как новейший этап капитализма». Том XIII, стр. 249 — 250.

[2] Там же, стр. 305.

На это изменение характера колониальной политики в эпоху империализма надо обратить особое внимание, ибо оно обыкновенно упускается из виду или затушовывается буржуазными историками. Например, профессор Колумбийского университета, Паркер Томас Мун, в своей книге: «Империализм и мировая политика», прямо заявляет, что век империализма «начался в 1870 годах» (стр. 8, Госиздат, 1928 г.). Меж тем колониальная политика трех последних десятилетий XIX века характеризуется именно захватом незахваченных еще «ни одной капиталистической державой» областей, а переход «к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца», характерен именно для XX века, к началу которого, как известно, и относит т. Ленин начало эпохи империализма.

Такая колониальная политика определяет собой всю внешнюю политику современных капиталистических стран, как подготовку к насильственному кровавому переделу мира, как подготовку к неизбежной войне.

Невозможность существования империализма без войн за передел мира вытекает из второго важнейшего закона капитализма, — неравномерности развития. [1]

Действие этого закона неимоверно усиливается в эпоху империализма и приводит к тому, что наиболее быстро развивающиеся капиталистические страны не могут долго удовлетворяться произведенным последним переделом; интересы их дальнейшего развития на почве капитализма настоятельно требуют нового передела.

Для доказательства того, что «финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства»,[2] т. Ленин приводит следующий весьма красноречивый пример: «в 1892 году Германия производила 4,2 миллиона тонн чугуна против 6,8 в Англии; а в 1912 г. уже 17,6 против 9,0, т. е. — гигантский перевес над Англией».

«Спрашивается, — добавляет Ильич, приведя этот пример, — на почве капитализма какое могло быть

Три последних десятилетия XIX века являются переходным периодом от промышленного капитализма к империализму.

Нет ничего удивительного в том, что историки, относящие, подобно Муну, этот переходный период к эпохе империализма, не находят в ней всех признаков, установленных Лениным в его определении империализма, и что в их понимании империализм представляет собой не что иное, как направленную на захват колоний политику капиталистически развитых держав.

То же самое можно сказать и о последней работе Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма», носящий подзаголовок: «1871—1919». (Госиздат, 1928 г., издание второе).

[1] «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». (Н. Ленин. «О лозунге Соединенных штатов Европы». Том XIII, стр. 133.)

[2] Н. Ленин. «Империализм как новейший этап капитализма». Том XIII, стр. 312. Разрядка моя. *В. В.*

иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала — с одной стороны, разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала — с другой». [1]

Закон неравномерности развития имеет огромное значение, игнорирование или недооценка которого приводит к большим теоретическим и практическим ошибкам.

Примером такой ошибки и является пресловутая теория Каутского о возможности смены империализма еще одной стадией капитализма — ультраимпериализмом.

Понимая под империализмом лишь особую политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом на данной стадии его развития, Каутский полагает, что по мере роста и усиления монополий, по мере их превращения в единый и единственный всемирный трест, современная империалистическая политика будет терять свой смысл, перестанет быть «предпочитаемой» политикой финансового капитала.

Монополистическая тенденция современного периода капитализма приведет в конце концов ко всемирному объединению государственно-обособленных финансовых капиталов, и их борьба между собой сменится общей эксплуатацией всего мира интернационально-объединенным финансовым капиталом.

Наступит, таким образом, новая фаза капитализма, новый ультраимпериалистический период его развития без войн и острых потрясений.

Эта теория (или, вернее, гипотеза) ультраимпериализма обнаруживает лишь оппортунистическое стремление ее автора отмахнуться от острых вопросов современности мечтами о новой мирной фазе капитализма. Ведь сам Каутский оговаривается, что для решения вопроса об осуществимости этой новой фазы «нет еще достаточных предпосылок».

---

[1] Там же, стр. 313. Разрядка т. Ленина.

Но даже к такому более чем осторожному выводу относительно практической ценности своей гипотезы Каутский мог притти лишь вследствие игнорирования закона неравномерности развития.

Ильич вполне соглашается с Каутским, что ультраимпериалистическая фаза капитализма, «теоретически мыслима». Если мы будем иметь в виду лишь одну тенденцию к монополии, отвлекаясь от всех остальных тенденций и законов развития современной фазы капитализма, то неизбежен, конечно, тот вывод, что «развитие идет к монополии, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту». [1]

Или, как говорит т. Ленин в предисловии к книге т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм»: «абстрактно мыслить подобную фазу можно... Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства».

«Но, — добавляет сейчас же Владимир Ильич, — развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, — капитализм превратится в свою противоположность». [2]

---

[1] Н. Ленин. «Империализм как новейший этап капитализма». Том XIII, стр. 310.

[2] См. «Записки Института Ленина», т. I, стр. 13. Разрядка т. Ленина.

Написано это предисловие в 1915 г. События 1917 г. в России дали блестящее подтверждение выраженным в нем взглядам Ильича: капитализм в результате потрясений, вызванных первой мировой

Следовательно, как при определении траектории движущегося тела нельзя ограничиваться одним лишь законом инерции, выведенным путем абстрагирования от всех конкретных условий движения, точно так же при определении перспектив общественного развития нельзя исходить из учета одной лишь из его тенденций, хотя и основной.

Фаза ультраимпериализма также «теоретически мыслима», как и perpetuum mobile, но и так же, как это последнее, практически неосуществима.

Для лучшей иллюстрации значения закона неравномерности развития остановимся еще несколько на лозунге Соединенных штатов Европы, выдвинутом в 1914 г. в манифесте Центрального комитета нашей партии.

Об этом манифесте мы будем говорить еще ниже, сейчас же лишь отметим, что он был написан Ильичом в самом начале войны. В нем, на ряду с тремя лозунгами, упомянутыми нами в начале этого раздела, выставлена также в качестве ближайшего политического лозунга задача образования республиканских Соединенных штатов Европы, причем необходимым условием осуществления этого лозунга объявляется революционное низвержение трех реакционнейших монархий: Германской, Австрийской и Русской.

Но уже на происходившем в Берне в конце февраля и начале марта 1915 г. совещании заграничных большевистских групп, известном под именем «Конференции заграничных секций РСДРП», правильность лозунга Соединенных штатов была подвергнута сомнению, и окончательное решение вопроса было постановлено отложить, выждав результатов обсуждения в печати экономической стороны этого лозунга.

Летом того же года в одном из номеров «Социал-Демо-

войной, дал такую огромную брешь, что $^1/_6$ часть земного шара выпала из его системы и противостоит ему, как страна строящегося социализма.

крата», центрального органа нашей партии, появилась статья т. Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы». В ней Ильич приходит к выводу, что хотя с политической стороны этот лозунг «неуязвим», но с точки зрения его экономического содержания он должен быть признан неправильным.

Ошибка лозунга состоит именно в недооценке значения закона неравномерности развития. Как только мы примем во внимание действие этого закона, мы принуждены будем признать, что «Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны либо реакционны». [1]

Если под этим лозунгом иметь в виду прочное и длительное соглашение, то он неосуществим. Ясно, что не может быть и речи о каком-либо более или менее длительном объединении современных капиталистических стран без соглашения о дележе колоний, но никакого иного принципа дележа, кроме силы, у капитализма нет и быть не может. Соотношение же сил постоянно меняется и не может не меняться именно в силу неравномерности развития. Для восстановления нарушенного равновесия нет иного средства, кроме войны.

Если же иметь в виду кратковременные соглашения, то при таком понимании лозунг Соединенных штатов Европы будет лозунгом реакционным, ибо ясно, что это соглашение может иметь смысл лишь как противопоставление Европы другим могущественным державам в том же вопросе о дележе колоний. Таких не-европейских держав лишь две: Соединенные штаты Америки и Япония, по темпу своего развития сильно обогнавшие страны Европы. Союз европейских держав может иметь своей целью лишь задержку развития этих более прогрессивных капиталистических стран Америки и Азии.

---

[1] Н. Ленин. «О лозунге Соединенных штатов Европы». Том XIII, стр. 131.

Вряд ли был бы также правилен,— замечает дальше Ильич,— самостоятельный лозунг Соединенных штатов мира (а не только Европы), ибо, во-первых, он всецело сливается с лозунгом социализма, поскольку он не обозначает ничего иного, как государственную форму объединения стран, совершивших свою пролетарскую революцию; а, во-вторых, такой лозунг «мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным». [1]

Выставление самостоятельного лозунга Соединенных штатов мира в смысле объединения социалистических республик имело бы смысл лишь как подчеркивание того, что победа социализма возможна лишь в масштабе мировом и невозможна в какой-либо одной или немногих странах.

А такой взгляд Ильич как раз и считал ошибочным уже в то время. Поэтому для разъяснения того, почему неправилен лозунг Соединенных штатов мира, он пишет:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».[2]

Эта цитата не оставляет никакого сомнения в том, что Ильич имел в виду не только возможность захвата власти пролетариатом одной страны, но и организацию социали-

---

[1] Там же, стр. 133.
[2] Там же, стр. 133. Разрядка т. Ленина.

стического производства, т. е. построение социализма, как первой фазы развития коммунистического общества.

Троцкий тогда же в издававшейся в Париже газете «Наше слово» обвинил Ильича за эти взгляды в «национальной ограниченности». По его мнению, «победоносная революция в России или в Англии немыслима без революции в Германии, — и наоборот».

«Что ни одна страна,— продолжал Троцкий,— не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это — элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать,— так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения — что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире». [1]

Троцкий ссылается, как мы видим, на опыт истории и на теоретические соображения.

Что касается опыта истории, то он уже весьма недвусмысленно показал, что революционная и социалистическая Россия устояла в течение 11 лет перед лицом консервативной и капиталистической Европы и что лишь «теоретические соображения» автора теории «перманентной революции» мешают ему и в настоящее время преклониться перед столь убедительным одиннадцатилетним опытом истории, как мешали они ему в 1922 г. преклониться перед «почти пятилетним опытом нашей Советской республики».

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, статья «Программа мира», IV глава—«Соединенные штаты Европы», стр. 478.

В написанном в 1922 г. послесловии к статье «Программа мира» Троцкий усматривал в Генуэзской конференции и вообще в торговых переговорах с буржуазными государствами «слишком яркое свидетельство невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках». При помощи различного рода соглашений с капиталистическим миром мы сможем, по мнению Троцкого, лишь «залечить те или иные экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед», но «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». [1]

Впоследствии, в 1926 г., возглавляя новый оппозиционный блок, Троцкий вместе с шедшим в то время по его стопам т. Зиновьевым убедились в том, что нельзя успешно защищать идею невозможности построения социализма в одной стране, не подкопавшись под закон неравномерности развития. Поскольку эта тема выходит из рамок данной работы, мы ограничимся здесь лишь указанием на основную ошибку возражений Троцкого и Зиновьева, заключающуюся в смешении двух понятий: экономического неравенства между странами, которого, действительно, было до империализма больше, чем в эпоху монополистического капитализма, и неравномерности темпа развития, которой при империализме гораздо больше, чем в период промышленного капитализма. [2]

Возвращаясь к вопросу о лозунге Соединенных штатов мира, обратим внимание на то, что Ильич считал этот лозунг способным породить также неправильное представление об отношении страны победившего социализма к остальным, капиталистическим странам.

[1] Л. Троцкий. Там же, стр. 481.

[2] Желающих подробнее ознакомиться с этим вопросом, мы можем отослать к протоколам XV партконференции, особенно к заключительному слову т. Сталина.

1041265

Пролетариат такой страны, как подчеркивает т. Ленин, «встал бы против» стран остального, капиталистического мира, подымая в них восстание пролетариев и даже при случае выступая против них с военной силой.

Ясно, что с подобной программой действий страна диктатуры пролетариата не может входить в состав Соединенных штатов Европы.

Троцкий совершенно правильно усмотрел в отказе от этого лозунга отказ «диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных штатов Европы». [1]

Факт возникновения диктатуры пролетариата в одной стране всего лишь через два года после описываемой здесь дискуссии вполне оправдал этот отказ.

По Троцкому же, игнорировавшему закон неравномерности развития, лозунг Соединенных штатов Европы давал выражение той «экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств», «которая будет прямо и непосредственно обусловливать согласование действий европейского пролетариата в революции». [2]

Если же иметь в виду социалистические Соединенные штаты, тогда, как было уже отмечено, надо говорить о Штатах мира, а не только Европы — это во-первых; а во-вторых, создание таких Штатов является нашей программой государственного устройства социалистических республик, а, не самостоятельным лозунгом, как он был выставлен у троцкистов наравне с другими лозунгами их борьбы за мир:

«Никаких аннексий! Никаких контрибуциий! Право каждой нации на самоопределение! Соединенные штаты

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 478. Разрядка моя. *В. В.*

[2] Там же, стр. 479.

Европы — без монархий, без постоянных армий, без правящих феодальных каст, без тайной дипломатии!» [1]

Мы, как известно, также были за мир без аннексий и контрибуций, за мир на основе самоопределения наций, но мы не выставляли эти требования как самостоятельные лозунги; они являлись лишь составной частью нашей программы мира, осуществление которой обусловливалось осуществлением нашего основного лозунга периода войны: превращение войны империалистической в войну гражданскую. [2]

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том I, стр. 151.

[2] Опыт моих занятий в учебных заведениях показывает, что учащихся, знакомящихся со статьей «О лозунге Соединенных штатов Европы», очень часто смущает термин «демократическая республика», употребленный Ильичом в следующей фразе: «Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму». (Том XIII, стр. 133.)

То, что здесь в термин «демократическая республика», т. Ленин вкладывает иное содержание, чем то, которое вкладывает в него наша программа-минимум 1903 г., ясно из следующих строк данного абзаца: «Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата», и дальше: «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами». (Разрядка моя. *В. В.*)

Следовательно, республику, осуществляющую диктатуру пролетариата, Ильич в то время находил возможным называть одновременно и социалистической и демократической, полагая, что для всякого марксиста, знакомого с основными произведениями Маркса и Энгельса, вполне ясно различие между буржуазной и пролетарской демократией.

Что именно о пролетарской демократической республике говорит здесь т. Ленин, лучше всего об этом свидетельствуют его слова о том, что полная победа коммунизма «приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического государства». (Та же статья, стр. 132—133. Разрядка моя. *В. В.*) А кто же не знает, что по Ленину, так же, как и по Энгельсу, уничтожению или отмиранию государства предшествует его превращение путем социалистической революции из буржуазного в пролетарское.

Само собой разумеется, что если бы Ильич писал эту статью после того, как Каутский и другие «бывшие марксисты» в интересах извращения марксистского понимания диктатуры пролетариата стали про-

3. ХАРАКТЕР МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

Из изложенной в предыдущей главе ленинской оценки эпохи империализма, оценки, констатирующей, что теперь «человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всякого рода», [1] — из этой оценки непосредственно вытекает большевистский ответ на вопрос о характере начавшейся в 1914 г. мировой войны.

Резолюция упоминавшейся уже нами Бернской конференции большевистских заграничных групп (февраль — март 1915 г.) определяет эту войну, порожденную «условиями эпохи» монополистического капитализма, как войну, имеющую «империалистический характер», и видит «действительную сущность» ее «в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д.».

Правильное понимание эпохи служит руководящей нитью для оценки войны, а определение характера войны имеет решающее значение для выработки тактики пролетарской партии.

Нужно строго различать исторические типы войн при капитализме. В эпоху капитализма домонополистического, в период его борьбы с абсолютизмом и феодализмом типич-

---

тивопоставлять пролетарской демократии «демократию вообще», он, возможно, поостерегся бы употреблять термины «демократическая республика» и «демократическое государство» без прибавления к ним прилагательного «пролетарский» даже в подобных данному, не допускающему никаких кривотолков, случаях.

[1] Н. Ленин. Из брошюры «Социализм и война». Том XIII, стр. 95.

ными были войны национально-освободительные, направленные к свержению чуженационального гнета и к созданию государств «на национальной основе как предпосылке капиталистического развития».

Эпохой таких прогрессивных национально-освободительных войн был период 1789 — 1871 гг., т. е. период, начавшийся Великой французской революцией и закончившийся Франко-прусской войной, приведшей к Парижской коммуне.

Напротив, в эпоху империализма, когда, по выражению Ильича, капитализм из освободителя наций, каким он был в борьбе с феодализмом, превратился в величайшего угнетателя их, типичными являются войны за передел и монопольный грабеж колоний, за порабощение и угнетение слабых национальностей, т. е. войны империалистические.

Такое строгое различение типов войн, характерных для определенной исторической эпохи развития капитализма, облегчает нам понимание характера каждой данной войны, он отнюдь не освобождает от необходимости тщательного конкретного изучения ее, ибо и в первый период бывали войны захватнические, грабительские, и в современный, второй период возможны и даже неизбежны войны национально-освободительные, прогрессивные.

Чтобы дать оценку каждой отдельной войне, нужно, руководствуясь знаменитым изречением прусского военного писателя Клаузевитца: «война есть продолжение политики иными средствами», дать оценку политики мирного времени воюющих держав и из характера этой политики вывести заключение о характере войны.

«В течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России, — пишет Ильич в брошюре «Социализм и война», — вели политику грабежа

колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается и в теперешней войне... Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождение их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной». [1]

Элемент национальной войны имелся и в великой мировой бойне 1914—1918 гг. Т. Ленин его отмечает не раз. Вот что, например, он пишет по поводу войны Сербии против Австрии в своей большой статье «Крах II Интернационала»: «Только в Сербии среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «национальных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне».

Но, добавляет сейчас же Ильич, «национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь».

Ведь только «для Сербии, т. е. какой-нибудь сотой доли участников» война являлась «продолжением политики буржуазно-освободительного движения», а для $^{99}/_{100}$ война была продолжением «политики империалистской, т. е. од-

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 98. Разрядка Ильича.

ряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций». [1]

Все эти мысли, выраженные, хотя и в более сжатой форме и менее выпукло, также и в резолюции Бернской конференции заграничных групп РСДРП, дополнены там еще весьма важным положением: «Вопрос о том, какая группа (воюющих держав. *В. В.*) нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения для определения тактики социалистов». [2]

Это положение важно потому, что социал-шовинисты Антанты, в том числе и наши российские патриоты, с Плехановым во главе, считали войну 1914—1918 гг. национальной, освободительной, оборонительной для своих отечеств, исходя из того факта, что Германия первая объявила войну.

Хотя иногда социал-шовинисты и называли войну национальной применительно к своим отечествам, [3] но они все же более охотно употребляли эпитеты: оборонительная и справедливая.

Подкрепляя сплошь да рядом свои патриотические рассуждения более или менее искусно подобранными цитатами из Маркса и Энгельса, в которых шла речь именно о национально-освободительных войнах эпохи промышленного капитализма, и чувствуя, что эпитеты: прогрессивная и национально-освободительная плохо подходят к войне 1914—1918 гг., они из этих цитат выуживали лишь ту мысль, что Маркс и Энгельс «последовательно держались... различения между оборонительной войной, с одной стороны, и на-

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 159 — 160.
[2] Там же,, стр. 48.
[3] «Ни для Запада, ни для нас, война эта не есть, как выражаются немцы, ein Kabinetskrieg. Это, — чтобы опять употребить немецкое выражение,—ein Nationalkrieg». (Из письма Плеханова к болгарскому социалисту. Брошюра «Г. В. Плеханов о войне». Книгоиздательство бывш. М. В. Попова. Издание второе, стр. 33.)

ступательной — с другой» или что Маркс и Энгельс признавали «права немецкого и, разумеется, не одного только немецкого народа на самозащиту». [1]

Но во всякой ли войне признавали основатели научного социализма право за каждым народом на самозащиту?

По Каутскому выходило, что при правильной трактовке взглядов Маркса и Энгельса, в начавшейся в 1914 г. войне право на самозащиту должно быть признано за каждой нацией.

«Социал-демократы всех стран, — писал он в № 1 от 2 октября 1914 г. «Neue Zeit» — имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую». [2]

Плеханов с этим не был согласен и напоминал слова Вильгельма Либкнехта о том, что для признания права на самозащиту «война должна быть необходима, справедлива».

«Не всякая, — добавлял при этом Либкнехт, — формально оборонительная война является такою в действительности. Нередко тот, кто делает вид, что защищается, на самом деле нападает». [3]

Как же определить, кто в данной войне является нападающей стороной?

Единственным выходом для социал-шовинистов, казалось бы, являлось повторять за буржуазией своей страны, что лишь государствам враждебной группировки свойственны империалистические стремления, против которых необходимо защищать цивилизацию, демократию, свободу слабых национальностей и проч. и проч.

Так и поступало огромное большинство патриотов, как социалистов, так и анархистов. Не говоря уже о таких

---

[1] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 23 и 26.

[2] Цитирую по статье Ленина «Мертвый шовинизм и живой социализм». Том XIII, стр. 21.

[3] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 45.

оголтелых шовинистах, как с.-р. Савинков, бывший с.-д. «большевик-впередовец» Алексинский или «социалист без ярлыка» Бурцев, но и даже такой, казалось бы, «принципиальный», революционер, как анархист Кропоткин, находил возможным для себя писать, что война являлась борьбой «во всей свободолюбящей Европе против ужасающей жажды войны, охватившей Германию»,[1] а посему, взывал он к французским гражданам: «Вооружайтесь! Сделайте сверхчеловеческое усилие; только таким образом Франция завоюет себе право и силу распространять свою цивилизацию и свои идеи свободы, коммунизма и братства среди народов Европы».[2]

Но Плеханов, весьма сочувственно и дружественно похлопывая по плечу всех этих ренегатов, все же считал необходимым для себя подпереть свою патриотическую позицию более солидными аргументами. Он не отрицал, что «ответственность за совершенную войну падает на все европейские правительства, так как все они вели империалистическую политику», и что «все передовые капиталистические государства повинны в империализме новейшего времени». Но все же, по его мнению, «надо различать»: не все они «в одинаковой мере прибегают к насилию».[3]

Плеханов не просто кричит о «свободолюбящей Европе» и об «идеях свободы, коммунизма и братства» Франции господ Пуанкарэ и Клемансо, а «дает анализ».

«Я рассматриваю, — говорит он в другом месте, — какие именно общественные классы, в каких именно капиталистических государствах и с какими именно специальными

---

[1] «Письмо П. А. Кропоткина к профессору Стеффену». Приложение к брошюре «В. Л. Бурцев о войне». Изд. «Книга», 1916 г., стр. 53.

[2] Там же, письмо из Брайтона, стр. 55. Разрядка Кропоткина.

[3] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 66. Разрядка Плеханова.

целями нашли нужным начать империалистическую войну в августе (по новому стилю) 1914 г.» [1]

Хотя все вели империалистическую политику, хотя все капиталистические страны, как тарантулы, посаженные в одну банку, неизбежно должны были стремиться к драке, но «зачинщиком», нападающей стороной должен быть признан тот, кому было теснее и кто поэтому первый начал неизбежную войну.

Более воинственный характер германского империализма, объясняет Плеханов, «обусловливается, конечно, не свойствами германской расы (антантовская социалистическая пресса, особенно французская, не стыдилась и такого аргумента. *В. В.*), а тем простым историческим обстоятельством, что германский капитализм «пришел слишком поздно».

Поэтому именно он явился угрозой европейскому миру, и поэтому теперь, когда от угрозы он перешел к действию, «против него должно быть направлено негодование сознательного пролетариата всех стран». [2] Надо, следовательно, различать: «иное дело нападение, а иное дело самозащита». [3]

Таким образом, различение войн национально-освободительных, прогрессивных и войн империалистических

---

[1] Г. В. Плеханов, «Вопросы войны и социализма». Изд. «Огни», 1917 г. Статья «Мой дружеский совет редакции «Текстильщика», стр. 33.

[2] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 66—67. Разрядка Плеханова.

Ту же аргументацию почти в тех же выражениях мы находим и у Потресова (см. его статью «Некоторые сюрпризы истории в сборнике статей «А. Н. Потресов. Война и вопросы международного демократического сознания». Книгоизд. бывшее М. В. Попова, 1916 г., стр. 11 — 24). В поведении Германии он видел «трагедию поздно пришедшего», перед которым история поставила дилемму: «или война, или отказ от империализма»; «исторически данная» Германия не могла не выбрать первого решения. Таким образом, перед ее противниками возникла неизбежность «самозащиты».

[3] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 34.

подменено различением, по принципу «зачинщика», войн оборонительных от войн наступательных, и в результате такой подмены сохранена видимость марксистской аргументации в пользу антантовского патриотизма.

В этом и состоит суть плехановской теории «зачинщика».

Но тот же аргумент «поздно пришедшего» использовывался также и германскими империалистами для своего оправдания.

И Владимир Ильич вполне справедливо замечал по этому поводу: «С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия безусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются несомненно большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». [1]

Но можно ли на этом основании приравнивать, как это делали германские социал-шовинисты, войну 1914—1918 гг. к войне Франко-прусской 1870—1871 гг.? Можно ли говорить, что обе эти войны были прогрессивными, так как ими решалась задача дальнейшего развития Германии.

Конечно, нет. В 70-х годах прошлого века никакого иного пути развития, кроме капиталистического, перед Германией не было.

Тогда объединение Германии, освобождение ее от феодальной раздробленности было необходимым условием ее экономического развития.

К 1914 г., наоборот, война была необходима для Германии лишь для обеспечения ее дальнейшего развития по капиталистическому пути, но перед ней уже стоял откры-

---

[1] Н. Ленин. «Социализм и война». Т. XIII, стр. 97.

тым и путь социалистический, подготовленный всем предшествовавшим периодом капитализма.

И, следовательно, война этого времени была войной непрогрессивной, а реакционной, войной за сохранение дряхлеющего капитализма.

Точка зрения буржуазной справедливости, справедливости, как говорит Ильич, рабовладельца, имеющего 100 рабов и воюющего против рабовладельца, имеющего 200, за «справедливый» передел рабов, не может быть приемлема для социалистов.

«Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их».[2]

Здесь мы подошли к основному пункту отличия ленинской позиции по вопросам войны от всех остальных.

Оценка империализма как кануна пролетарской революции, оценка войны как империалистической, т. е. являющейся неизбежным следствием и необходимым условием существования империализма, приводила с неизбежностью к рассмотрению всех вопросов периода войны с точки зрения мировой социалистической революции, как основной задачи момента.

Все остальные течения социализма, какой бы революционной фразой они ни прикрывались, как например, левые центристы типа Троцкого, при решении всех конкретных вопросов эпохи исходили из молчаливо подразумеваемой предпосылки, что война, начатая капиталистическими правительствами, обязательно кончится миром, заключенным этими же правительствами, на которые лишь в лучшем случае рекомендовалось производить усиленное давление

---

[2] Н. Ленин. «Социализм и война». Т. XIII, стр. 97.

со стороны пролетариата для заключения скорейшего и наиболее демократического мира.

А при такой предпосылке, конечно, должны были казаться чудовищными такие большевистские лозунги, как «превращение империалистической войны в гражданскую» и особенно «поражение своего правительства».

Сохранение этой предпосылки и неприятие большевистских лозунгов должны были приводить или к откровенному оборончеству или в тупик центризма с неизбежным скатыванием по самым острым вопросам момента к тому же оборончеству.

Ведь в самом деле, при сохранении упомянутой предпосылки, как можно парировать такое возражение, что если мы не примем самого деятельного участия в защите страны, то, поскольку война является все же фактом, мы этим лишь облегчим буржуазии противной стороны победу и тем подорвем экономическое развитие своей страны и материальное положение ее пролетариата.

Вести такую политику это значит, как любил выражаться Плеханов со свойственным ему остроумием, работать «pour le roi de Prusse» (на прусского короля).

На возражение, что победа России может упрочить положение русского самодержавия, Плеханов отвечал:

«Пусть будет так. Даже усилив на время реакцию, победа приведет, в конце концов, к ее исчезновению, так как, благодаря победе, Россия избежит тех препятствий, которые были бы воздвигнуты поражением на пути ее экономического развития». [1]

Война стала неоспоримым фактом, отвечал на это большевизм, а потому социалисты всех стран должны, согласно постановлению своих международных конгрессов, использовать связанные с войной затруднения буржуаз-

[1] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 32. Разрядка моя. *В. В.*

ных правительств для доведения классовой борьбы пролетариата до ее крайней формы обострения, до гражданской войны; для нанесения таким образом решительного удара капитализму, не только не следует смущаться тем, что обострение классовой борьбы ослабляет обороноспособность страны и тем способствует ее поражению, но даже необходимо использовывать военные поражения, ослабляющие позицию буржуазных правительств, в интересах усиления натиска на буржуазию своей страны.

Революция не откладывается здесь на «после войны», а выдвигается как основная задача момента вследствие создаваемой войной благоприятной для революции обстановки.

Отсюда и лозунги большевизма: «превращение войны империалистической в войну гражданскую» и «поражение своего правительства», о которых подробнее мы будем говорить в следующем разделе нашей работы.

Теоретические и практические разногласия, обнаружившиеся в самом начале войны между большевизмом, сохранившим верность идее интернационализма, и социал-шовинизмом, предавшим ее в пользу идеи отечества, свидетельствовали о том, что между оппортунистическим большинством и революционным меньшинством II Интернационала произошел такой глубокий принципиальный разрыв, что центр тяжести борьбы ленинцев против оборончества должен был быть перенесен на разоблачение антипролетарской классовой сущности социал-патриотизма и выяснение причин краха II Интернационала.

Эту работу большевизм проводил под лозунгом создания III Интернационала.

4. ПРИЧИНЫ КРАХА II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Недавно вышедшая двухтомная работа Каутского под заглавием: «Материалистическое понимание истории», весь-

ма убедительно подтверждает ту современную истину, что в эпоху империализма нет и не может быть марксизма без ленинизма, что марксизм без ленинизма есть худшее извращение марксизма, что попытки остаться марксистом и в то же время отвергать ленинизм неизбежно приводят в теории — в болото самого вульгарного оппортунизма, а в практике — в лагерь прямых врагов пролетариата.

Каутский сам предупреждает, что изложенные в его книге идеи являются его собственными идеями, в выработке которых, правда, он обязан «великим учителям», но все же они являются результатом его собственной работы мысли в течение всей его жизни «на службе марксизму».

Тот факт, что марксизм не является застывшей догмой и что для многих выводов из своих основных положений основатели научного социализма, Маркс и Энгельс, не могли использовать богатейший опыт последних десятилетий истории, приводят Каутского к вполне основательному заключению о необходимости дальнейшего развития марксизма.

Но эту правильную мысль он облек в следующую характерную форму: «ревизии марксизма повременам неизбежны, необходимо нужны». [1]

Действительно, в применении к каутскианскому «развитию» марксизма термин «ревизия» является наиболее подходящим, так как это «развитие» приводит нас назад к старой оппортунистической теории постепенного врастания в социализм через современную демократию, при которой государственный аппарат «начинает превращаться из инструмента угнетения в инструмент освобождения трудящихся», [2] а также к восхвалению Лиги наций и к иллю-

[1] Цитирую по статье Ф. Месина в «Научном слове», № 3, стр. 36.
[2] Цитирую по статье Гольденберга в № 11 «Большевика» за 1928 г., стр. 15 и 19.

зии, что она «в конце концов будет завоевана элементами, которые из инструмента насильнической политики отдельных государств превратят ее в действительное орудие против насильнической политики великих держав и используют ее в целях международного соглашения и объединения»...

Для нас здесь интересно лишь признание необходимости дальнейшего развития марксизма применительно к последним десятилетиям истории, до которых ни Маркс ни Энгельс не дожили. Но эти последние десятилетия и составляют новую эпоху капитализма, марксистскую оценку которой и дал ленинизм.

Вся история нашей партии представляет собой историю развития ленинизма и отхода от революционного марксизма тех ее элементов, которые отвергают ленинские идеи и беспомощно пытаются уцепиться за то или иное догматически воспринятое ими положение Маркса, вполне правильное в условиях прошлой эпохи капитализма и переставшее быть таковым в современных условиях.

В эпоху мировой войны, когда оформляется основное в учении Ленина, теория империализма со всеми ее следствиями для практики социалистической партии, — бывшие «ортодоксальные марксисты» типа Каутского, Плеханова, Геда, немало поработавшие в свое время для теоретического посрамления оппортунизма во всех его видах: бернштейнианства, струвизма, мильеранизма, оказываются в самом тесном идейном и организационном сотрудничестве со своими бывшими идейными «врагами».

Для теоретического оправдания такого сотрудничества, сказанное Марксом о войнах между капиталистическими странами, в эпоху борьбы молодого капитализма с феодализмом и его пережитками, переносится буквально, как мы видели, на войны эпохи империализма, т. е. капитализма дряхлеющего; противопоставление войн национально-осво-

бодительных, прогрессивных войнам империалистическим софистически подменяется противопоставлением войн оборонительных войнам наступательным по признаку первого напавшего, при полном игнорировании всей довоенной политики стран, якобы подвергшихся ничем не вызванному нападению и проч. и проч.

Такое карикатурное причесывание Маркса и Энгельса под Шейдемана и Реноделя свидетельствовало лишь о полной идейной растерянности тех вождей II Интернационала, которые отвергали ленинскую оценку новой эпохи. Но почему так случилось, что огромное большинство вождей II Интернационала оказались неспособными ни к самостоятельной выработке правильной марксистской оценки эпохи империализма ни к восприятию идей Владимира Ильича, и 2) чем объяснить их легкий успех в деле подъема шовинистического настроения широких пролетарских масс?

Та же ленинская теория империализма дает нам ответ на эти вопросы.

Для того, чтобы лучше войти в суть дела, начнем с ознакомления с весьма интересным и поучительным объяснением причин падения германской социал-демократии, данным самим Плехановым.

Он раньше всего констатирует, что германская социал-демократия заняла не интернациональную, а националистскую позицию и что заставил ее это сделать вовсе не страх перед русской реакцией, как это можно было бы подумать на основании их официальных заявлений, а «страх перед своими собственными избирателями», а также боязнь ослабить свою организацию в случае неравной борьбы с правительством при общем шовинистическом угаре населения.

Заискивание и прислужничество перед избирателями, стремление избегать конфликтов в интересах сохранения

своих организаций и их касс, иначе говоря, превращение участия в парламенте и упрочения организации из орудия борьбы в самоцель, во имя которой проповедуется отказ от борьбы, — все это является характерной чертой тактики оппортунизма.

«Нынешнее поведение германской социал-демократии,— заключает Плеханов, — представляет собой величайшее торжество того оппортунизма, который уже с конца прошлого столетия «пересматривает» («ревизует») учение Маркса и Энгельса. «Пересмотр» начался с теоретических основ этого учения, а закончился отвержением вытекавших из них практических выводов. Это было вполне естественно и неизбежно». [1]

Указание, что сам Каутский одобрил вотум германской социал-демократии за военные кредиты, не смущает Плеханова: «Если это и правда, — отвечает он, — то это все-таки ничего не изменяет: Каутский прошел под ярмом победителя, — и только». [2]

И несколько дальше, в той же брошюре, Плеханов указывает на Кунова, который теперь вместе с Зюдекумом и другими находит утопичной всякую борьбу с империализмом, а ведь Кунов, — напоминает Плеханов, «не только образованный, а прямо ученый человек», бывший «последовательным марксистом». [3]

Усматривая совершенно правильно в поведении германской социал-демократии «величайшее торжество оппортунизма», Плеханов указывал, что ревизионисты потому «горячо отстаивают теперь союз германского рабочего класса с юнкерами и буржуазией», что они надеются, по ограблении побежденных народов, получить от господ-

---

[1] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 14. Разрядка моя. *В. В.*

[2] Там же, стр. 40.

[3] Там же, стр. 73.

ствующих классов Германии «кость» и для германского пролетариата».[1]

«А рабочий класс более или менее смутно догадывается об этом — и храбро дерется «за существование Германии». Это таю».[2]

Здесь Плеханов уже подходит к выяснению причин «величайшей победы оппортунизма», под ярмом которого прошли и Кунов и Каутский.

В другом месте вождь российских социал-патриотов пишет: немецкий пролетариат, «подчинившись развращающему и расслабляющему влиянию социал-демократического «ревизионизма», нашел, что ему не безвыгодно будет поддержать хищническую политику германских империалистов»[3] и «он захотел стать участником давно уже задуманного и чрезвычайно заботливо подготовленного нападения, рассчитывая, что высшие классы поделятся с ним экономическими выгодами победы, а кроме того, в виде политического Trinkgeld'a, подарят ему то всеобщее избирательное право в Пруссии, которого он никак не решался взять с бою».[4]

Если бы горячее патриотическое сердце Плеханова не влияло на его холодный рассудок, он бы нашел более точные формулировки своей правильной мысли: он бы говорил об искушении перед выгодами от победы германского империализма не со стороны всего германского пролетариата, а лишь части его, наиболее квалифицированной и вместе с тем наиболее влиятельной и наиболее организованной, подчинившей своему влиянию в начале войны большую часть пролетариата Германии.[5]

---

[1] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 43 — 44.
[2] Брошюра «Г. В. Плеханова о войне», стр. 74.
[3] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 26.
[4] Там же, стр. 73 — 74.
[5] Н. Рожков в XII томе своей «Русской истории», приведя тот факт, что германское правительство решилось объявить войну, лишь

В общем Плеханов очень зорко подметил сучок в глазу немецкого рабочего класса, но проглядел, конечно, бревно в глазу пролетариата Антанты.

И не чем иным, как патриотическим ослеплением, нельзя это объяснить, так как в тех же цитированных здесь статьях Плеханов, — по другому, правда, поводу, — вспоминает о подобном же подчинении английского пролетариата влиянию своей буржуазии при посредстве так называемой рабочей аристократии в эпоху господства английского капитализма на мировом рынке (2-я половина XIX века).

Основные мысли Плеханова, что социал-шовинизм германской социал-демократии есть свидетельство победы оппортунизма и что причины этой победы надо искать в заражении империалистическими стремлениями части немецкого пролетариата, вполне правильны и... вполне применимы к объяснению социал-шовинизма всех партий II Интернационала.

Вполне также понятно поэтому, что плехановское объяснение измены немецкой социал-демократии очень понравилось т. Ленину. [1]

Ведь только патриотические шоры на глазах самого

предварительно запросив вождя немецких «свободных» союзов Легина и убедившись в полной поддержке с этой стороны, замечает, что все же часть немецких рабочих с самого начала войны была против политики 4 августа, что выражалось хотя бы фактом существования оппозиции в парламентской фракции из 14 членов, которая голосовала с большинством лишь в силу партийной дисциплины. (Стр. 242. См. также книгу Ф. Шейдемана «Крушение германской империи». Перевод с немецкого с предисловием Мих. Павловича. Госизд. 1923, стр. 42, откуда мы узнаем, что на фракционном заседании, предшествовавшем голосованию в рейхстаге, из 92 с.-д. депутатов, присутствовавших на этом фракционном собрании, 14 голосовало против кредитов. Всего во фракции было 111 чел.)

[1] Корреспондент парижского «Голоса» отмечает следующее в своей записи речи Ленина, выступившего в качестве оппонента на лозаннском докладе Плеханова: «Первая часть плехановского доклада, посвященная характеристике измены немецких социал-демократов очень понравилась оппоненту»... (См. «Записки Института Ленина», I, стр. 73.)

Плеханова помешали ему применить тот же метод анализа и для объяснения поведения антантовских социалистов, в том числе и самого Плеханова, оказавшегося против своей воли в одной компании с Куновым и Каутским под ярмом торжествующего оппортунизма.

Разве можно сравнить по глубине этот плехановский анализ германского социал-патриотизма с беспомощными попытками подойти к объяснению международного социал-шовинизма со стороны меньшевиков-интернационалистов или Троцкого?

Т. Мартынов, бывший тогда «меньшевиком-интернационалистом», судя по записи в дневнике Троцкого 26 августа 1914 г., объяснял повальный грех измены II Интернационала инстинктом самосохранения, взявшим верх при всеобщей панике, водворившейся в Европе по объявлении войны. [1]

Троцкий же, справедливо высмеивая «плеоназм» Мартынова, изрекшего по существу весьма худосочную истину: «так как воцарилась всеобщая паника, то и поведение социал-демократии было паническим», [2] сам остановился на полпути и не пошел дальше следующего вывода:

«Крушение Второго интернационала есть прежде всего крушение пережившей себя тактической системы». [3]

Посмотрим теперь, как подходит к вопросу и решает его т. Ленин.

Раньше всего он констатирует наличие 3 основных течений в международном социализме и дает им оценку:

«Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппор-

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том I, стр. 67.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Там же, стр. 146.

тунисты разбили их большею частью на голову, но «разбитые армии хорошо учатся») и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм». [1]

---

[1] Н. Ленин. «Мертвый шовинизм и живой социализм». Том XIII, стр. 24.

Писалось это, заметим, еще в первые месяцы войны. Иметь в виду дату этой цитаты особенно важно, чтобы оценить всю прозорливость Ильича в оценке 3-го, т. е. центристского течения.

«Часть гибнущих в этом третьем течении, — писал он в той же статье, — может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, «защиту отечества», «подчинение законам военного времени», удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны». (Разрядка моя. *В. В.*)

В то время во главе российской части этого течения стояли Мартов и Троцкий, к которым примыкал целый ряд представителей различных оттенков довоенного «августовского блока»: например, от меньшевиков-ликвидаторов — Антонов-Овсеенко (А. Галльский) и Чичерин (Орнатский); от впередовцев — Луначарский, М. Н. Покровский и Мануильский (Безработный); там же, кроме того, были Лозовский, Раковский, Сокольников, Урицкий, Рязанов (Буквоед) и проч.

Если все перечисленные здесь центристы, за исключением Мартова, ко времени Октябрьской революции были «возвращены к социализму», то это произошло именно благодаря политике «самого решительного разрыва и раскола» со сторонниками «защиты отечества», хотя эта политика и сильно коробила в начале даже наиболее левых из центристов.

Так, например, Троцкий очень хотел бы, чтобы у Ленина нашлись другие эпитеты, кроме «изменнику» и «предатель», по адресу «заслуженного ветерана международной социал-демократии, лучшего борца за рабочее дело, т. Карла Каутского», а Рязанов любил повторять: «Не быть третьему Интернационалу без Каутского». (См. воспоминания М. Харитонова, «Записки Института Ленина», II, стр. 117 и 127.)

Сам Троцкий в написанном в 1922 г. введении к I тому «Войны и революции» признал, что сотрудничество с Мартовым не могло «не спутывать в первое время карт» и что критика «Социал-Демократа», большевистского центрального органа, «была в этом отношении правильна и помогла левому крылу редакции вытеснить

«Современные события, — пишет Ильич в следующем номере центрального органа партии, — показали как раз, что, с одной стороны, назрели объективные условия империалистической (т. е. соответствующей высшей, последней стадии капитализма) войны, а с другой стороны, десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы массу мелкобуржуазного, оппортунистического навоза внутри социалистических партий».

А «оппортунисты, это — буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса сразу оказываются открытыми союзниками всей объединенной буржуазии»... [1]

Итак, крах II Интернационала — это победа оппортунизма, чрезмерно расплодившегося внутри социалистических партий всех стран. Тот факт, что в числе социал-шовинистов оказался ряд вождей, считавшихся «ортодоксальными» марксистами и боровшихся с оппортунизмом в вопросах теории — Гед, Плеханов, Каутский, свидетельствует лишь о размерах победы оппортунизма, проведшего, как выражался Плеханов, «под своим ярмом» часть былых теоретиков «ортодоксии».

Мартова и тем придать газете после Циммервальдской конференции более определенный и непримиримый характер» (стр. 27).

Относительно Мартова, судя по воспоминаниям М. Харитонова в «Записках Института Ленина», II, стр. 118, Ильич в начале войны допускал возможность и его перехода к большевикам. Это не вполне согласуется с содержанием писем т. Ленина к т. Шляпникову того времени; так, в примечании к письму от 17 октября 1914 г. мы читаем: «Мартов всех приличнее в «Голосе». Но устоит ли Мартов? Не верю (Ленинский сборник II, стр. 194. Разрядка Ильича. Это примечание не надо понимать так, будто Ильич считал Мартова приличнее всех сотрудников «Голоса»; нет, он сравнивает Мартова с другими меньшевиками, не участвующими в «Голосе»).

В других письмах того же периода, Ильич, радуясь «прекрасному (в общем) ведению «Голоса» Мартовым», выражал уверенность, что «завтра он скатится» к Каутскому, а «Каутский всех лицемернее, всех отвратительнее, всех вреднее». (Лен. сб. II, стр. 198.)

[1] Н. Ленин. «Что же дальше». Т. XIII, стр. 32. Разрядка Ильича.

«Личные переметывания, — поясняет Ильич, — при этом неизбежны, но надо помнить, что значение их определяется существованием слоя и течения мелкобуржуазных оппортунистов». [1]

После того как таким образом в ряде статей центрального органа была установлена «неразрывная историческая связь социал-шовинизма с оппортунизмом», т. Ленин ставит следующий «основной вопрос современного социализма»: «есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?» [2]

Да, такая связь существует. Экономической основой силы оппортунизма являются те отличительные свойства империализма, которые оправдывают его характеристику как капитализма загнивающего или паразитического.

Мы говорили уже ниже о задержке темпа роста производительных сил в те периоды развития тех или иных отраслей промышленности, тех или иных стран, когда устанавливаются монопольные цены на продукты этих отраслей промышленности и этих стран («чем нисколько, — подчеркивает Ильич, — не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды»). Но загнивание или паразитизм капитализма в эпоху империализма проявляется и в целом ряде других явлений, представляющих собой следствие эксплуатации, путем вывоза капиталов, приблизительно $^{9}/_{10}$ населения земного шара горсткой капиталистических стран с числом жителей, равным около $^{1}/_{10}$ населения земли.

Колоссальные сверхприбыли, получаемые от такой

---

[1] Н. Ленин. «Что же дальше» Т. XIII. стр. 32. Разрядка т. Ленина.

[2] Н. Ленин. «Империализм и раскол социализма». Т. XIII, стр. 468.

мировой эксплуатации, в среднем до 8 млрд франков в год на каждую из 4 важнейших капиталистических стран: Англии, Соединенных штатов, Франции и Германии, создают в этих странах целый слой паразитов-рантье, т. е. капиталистов, живущих одной лишь стрижкой купонов ценных бумаг; «продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов» становятся бытовым явлением этих стран; вся совокупность их, так называемый «цивилизованный мир», обращается «в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов».

Империализм изменяет, таким образом, несколько то положение, согласно которому современное общество живет на счет пролетариата, изменяет в том смысле, что при нем «привилегированная прослойка пролетариата империалистических держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов». [1]

Гигантская сверхприбыль, выкачиваемая капиталистами из колоний и полуколоний, дает им возможность «подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии... тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых». [2]

Хотя Маркс и Энгельс не дожили до эпохи империализма, но ими была уже отмечена весьма успешная попытка буржуазии одной страны создать довольно широкий слой «буржуазного пролетариата». Такой страной была Англия второй половины XIX столетия. Она имела уже к этому времени два из известных нам пяти основных экономических признаков империализма: она имела обширные колонии и обладала монополией на всемирном рынке.

Это исключительное положение Англии творцы науч-

---

[1] Н. Ленин. «Империализм и раскол социализма». Т. XIII, стр. 469 — 470.

[2] Н. Ленин. «Империализм и капитализм». Предисловие к французскому и немецкому изданию книги «Империализм как новейший этап капитализма». Том XVII, стр. 248.

ного социализма и клали в основу объяснения торжества оппортунизма в английском рабочем движении того времени.

В статье «Империализм и раскол социализма» т. Ленин приводит целый ряд выдержек из писем Маркса и Энгельса с конца 50-х и до начала 90-х годов прошлого века.

Вот наиболее характерные из них: «Английский пролетариат, — пишет Энгельс Марксу в 1858 г., — фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат р я д о м с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

«Что касается городских рабочих здесь (в Англии) — говорит Маркс в письме к Зорге в 1874 г. — то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи».

Те же ноты по адресу английского рабочего движения звучат и в письме Энгельса конца 80-х и начала 90-х годов, где мы встречаем знаменитое его выражение о «буржуазной рабочей партии», т. е. о рабочей по составу и буржуазной по духу, «преспокойно» пользующейся вместе с капиталистами «колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

К XX веку Англия уже не имеет этой монополии, ее буржуазия уже не имеет возможности подкупать и подкармливать столь широкий слой своих рабочих, как раньше, но зато теперь верхние прослойки пролетариата, «рабочую аристократию», может, экономически может, вскармливать и подкупать каждая империалистическая держава, жертвуя на это дело часть своих сверхприбылей, нажитых на монопольном ограблении своих колоний и зависимых стран.

Итак, загнивание империализма в империалистическую

эпоху порождает тенденцию к частичному загниванию самого рабочего движения. «Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделять привилегированные отряды и откалывать их от широкой массы пролетариата», [1] «создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформляет, укрепляет оппорртунизм». [2]

«Вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, «рабочими депутатами»... рабочими участниками военно-промышленных комитетов, рабочими чиновниками, рабочими, организованными в узко-цеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный». [3]

Здесь Ильич упоминает о военно-промышленных комитетах, образовавшихся у нас в России в 1915 г., и справедливо видит в привлечении к ним представителей от рабочих попытку российской буржуазии подкупить верхушку нашего пролетариата, образовать и у нас, по образцу Западной Европы, «буржуазную рабочую партию».

Эта попытка, как известно, не увенчалась таким успехом, как на Западе: затея привела лишь к образованию малоавторитетной среди широких масс рабочих группировки из членов Рабочей группы (при Центральном военно-промышленном комитете) и меньшевиков-ликвидаторов, которую Ильич называл «полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и Ко». [4]

Мы подходим здесь, таким образом, к вопросу: чем объясняется неудача попытки российской буржуазии создать

---

[1] Н. Ленин. «Империализм как новейший этап капитализма». Том XIII, стр. 320.

[2] Там же, стр. 318.

[3] Н. Ленин. «Империализм и раскол социализма». Т. XIII, стр. 478.

[4] Там же, стр. 479. Разрядка моя. *В. В.*

крепкую и преданную ей «рабочую» партию? и вместе с тем к более широкому вопросу о причинах относительной слабости российского оппортунизма.

После всего выше указанного ответ на этот вопрос не представляет затруднения и может быть формулирован следующим образом: так как Россия в общей системе мирового империализма играла, преимущественно, роль страны, ввозящей иностранный капитал, и, следовательно, ее пролетариат не только ничего не получал от крох империалистической сверхприбыли, а сам создавал эту сверхприбыль, часть которой шла на подкармливание «рабочей аристократии» Запада, главным образом Франции, то естественно, что рабочий класс России не представлял собой плодородной почвы для роста оппортунизма.

Говоря о ликвидаторстве довоенного периода Ильич подчеркивал, что «источник известной общественной силы и влияния ликвидаторского течения коренится не в рабочем классе, а в слое буржуазно-демократической интеллигенции, который выделил основное ядро легалистов писателей» и который не может не быть «патриотическим и оппортунистическим». [1]

Запоздалая попытка нашей слабой, по сравнению с другими капиталистическими странами, буржуазии использовать крупные барыши военной промышленности в целях подкармливания и приручения рабочей верхушки не создала для российского оппортунизма сколько-нибудь прочной опоры среди пролетариата. Но элементы «буржуазной рабочей партии» были у нас ярко выражены в лице «милостивого государя Козьмы Антоновича» Гвоздева и его сподвижников, с которыми господа Гучковы, по их собственному признанию, «всегда умели находить общий язык». [2]

---

[1] Н. Ленин. «Что же дальше». Т. XII, стр. 34.
[2] Письмо А. И. Гучкова к Гвоздеву в сборнике «Канун революции»

Таким образом, как победа западно-европейского оппортунизма в период войны, так и его относительная анемичность в России объясняются свойствами империализма.

Все это показывает, сколь ошибочно было искать средства приостановить развитие мирового оппортунизма в обеспечении победы какой-либо из группировок воюющих держав, как это делал Плеханов.

«Если Германия победит, — писал он, — и если в карманы немецких рабочих перепадет некоторая часть добычи, то германский социализм будет «пересмотрен» (ревизован) дотла, и германские социал-демократы заговорят таким языком, которого мы до сих пор и не слыхивали». [1]

Подчеркнутые слова оказались пророческими: германские социал-демократы заговорили языком «кровавой собаки» Носке, а их патриарх, Карл Каутский, как мы видели в начале этой главы, «пересмотрел» социализм, действительно, «дотла», до отрицания социалистической революции и возвеличения Лиги наций.

Но сделали они все это не после победы над Антантой, а после поражения, и притом вкупе и влюбе с антантовскими социал-шовинистами, докатившимися до Поля Бонкура, Томаса и мистера Монда, вдохновителя «борьбы» за идею «мира в промышленности».

с предисловием Евг. Маевского, издание Петр. ком. соц.-дем. меньш.-обор. 1918 г., стр. 41 — 42.

«Г.г. Легин, Гомперс и подобные им люди представляют не рабочий класс: они представляют лишь аристократию и бюрократию рабочего класса», писал Ильич Лиге социалист. пропаганды в Америке (Лен. сборн. II, стр. 257).

Г. Гвоздев представлял также аристократию и бюрократию российского пролетариата, но — увы — столь худосочную, что сделать на ней карьеру, подобно Легину и Гомперсу, Гвоздеву не удалось.

[1] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 74. Разрядка моя. *В. В.*

И все это есть прямое следствие той временной, но «чудовищно-отвратительной» победы международного оппортунизма, перед торжественным шествием которого так низко преклонил с самого начала войны свою престарелую голову «отец российского марксизма», Георгий Валентинович Плеханов.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

> ... «если большевизм сумел победить в 1917—'20 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» ... массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков».
>
> Н. Ленин.

1. ЛОЗУНГ ПРЕВРАЩЕНИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ГРАЖДАНСКУЮ.

Из предыдущего раздела мы знаем, что основной лозунг тактики большевиков рассматриваемого нами периода: «превращение империалистической войны в гражданскую», всецело определялся их оценкой войны и всей эпохи империализма. И только в связи с этой оценкой можно было его понять и принять, ибо только она давала возможность совершенно иной постановки вопроса, чем та, которую давали патриоты всех стран и всех мастей и в которой беспомощно барахтались даже лучшие из центристов, искренне желавшие итти под флагом интернационализма.[1]

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны» писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гедом, Плехановым и К-о. «Да, — отвечал на это Ильич, — если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой практический вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым

[1] Не нужно забывать, что к числу российских центристов, возглавлявшихся Троцким, принадлежали также т.т. Урицкий, Рязанов (Буквоед), Сокольников, М. Н. Покровский, Луначарский, Коллонтай и др.

и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братания» между рабами в целях свержения рабства». [1]

В самом деле, если для всех современных «цивилизованных» стран капитализм уже давно вышел из той стадии своего развития, когда, по выражению Коммунистического манифеста, перед пролетариатом стояла еще задача «устроиться в пределах наций», и вступил в эпоху кануна социалистической революции, в эпоху, в которую, по словам того же Манифеста, «рабочие не имеют отечества», то отсюда ясно, что «практическим» вопросом для пролетарской партии в период империалистической войны может быть лишь вопрос о методах использования этой войны в интересах социалистической революции, т. е. в интересах доведения классовой борьбы пролетариата до высшей ее формы, до гражданской войны.

Социал-шовинисты, под лозунгом «защиты отечества», проводили политику полного прекращения классовой борьбы и союза с буржуазией своей страны, иначе говоря, политику гражданского мира.

Защищая поведение антантовских социалистов, и, в частности, их вхождение в министерство, Плеханов в начале войны (октябрь 1914 г.) сам признавал, что такое поведение социалистов «ослабляет, — скорее, почти прекращает на время борьбу классов». [2]

Впоследствии, правда, он забыл об этом своем признании и стал доказывать, что антантовский пролетариат, в том числе и французский, «не отказался от классовой борьбы. Он ведет ее энергичнее, чем когда бы то ни было. Он отдает ей все силы и жертвует для нее своею жизнью. Но, по вине германского юнкера и капиталиста, его классовая борьба временно приняла вид борьбы с иностранным завоевателем». [3]

---

[1] Н. Ленин. «К иллюстрации лозунга гражданской войны». Том XIII, стр. 60. Разрядка Ильича.

[2] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 26.

[3] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 56 — 57.

Если мы к этому добавим, что это свое заявление Плеханов сам снабдил примечанием, что в войне виноват также и немецкий пролетариат, то придется признать, что редко кто прибегал для защиты своей позиции к более грубым софизмам, чем данный.

Называть классовой борьбой братоубийственную борьбу между пролетариями различных стран, причем как с той, так и с другой стороны борьбу эту возглавляет и ею руководит буржуазия, — это означает потерять последний остаток марксистской совести.

Не большей теоретической добросовестностью отличались и возражения социал-шовинистов против большевистской позиции.

Тот же Плеханов высмеивает т. Ленина за то, что будто бы он устранил все трудности тактических вопросов, «провозгласив, что надо сделать революцию одновременно во всех странах». Исказив таким образом взгляды Ильича, вождь российских социал-шовинистов задает следующие ехидные вопросы: «каковы шансы предлагаемой им одновременной революции? И что произойдет, если она не совершится?» [1]

Нам уже известно, что т. Ленин никогда не апеллировал к одновременной международной революции, для устранения трудностей пролетарской борьбы, а на второй вопрос ответ дала уже история.

Точная формулировка основного лозунга большевиков в период войны и перспектив их тактики дана Ильичом уже в упоминавшемся нами манифесте ЦК нашей партии, где мы читаем:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намечен-

---

[1] Там же, стр. 54. Разрядка моя. *В. В.*

ный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму».[1]

Что только лозунг гражданской войны позволяет вырваться из пут буржуазной и патриотической методологии, лучше всего доказывают это на своем примере центристы, даже наиболее левые из них.

Троцкий упрекал большевизм в «утрировке» революционных лозунгов[2] и, вместо лозунга гражданской войны, выдвигал лозунг прекращения войны, лозунг мира.

«Немедленное прекращение войны», — писал он, — вот лозунг, под которым социал-демократия может снова собрать свои рассеянные ряды, как в партиях отдельных стран, так и во всем Интернационале».[3]

Уже из этой формулировки лозунга мира ясно, что он выражает прежде всего заботу автора дать отпор большевистскому «экстремизму», который ищет «фиктивных гарантий» против социал-патриотизма, «в организационном размежевании со всеми другими оттенками интернационализма».[4]

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 11 — 12.
[2] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 111 и 197.
[3] Л. Троцкий. «Война и революция», том I, стр. 150.
[4] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 111.

И, действительно, это стремление воспрепятствовать преждевременному, по мнению Троцкого, размежеванию «интернационалистов», является одним из двух основных аргументов в пользу замены «формулы гражданской войны» лозунгом мира.

«Как под лозунгом войны до конца сгруппировались носители разных тенденций в социализме, так и под лозунгом «война войне» стоят как те, которые стремятся по возможности скорее восстановить под ногами пролетариата «нормальную базу» для его классового движения, все в той же форме борьбы за реформы и упрочение организаций, так и те, которые видят в этой войне кровавый пролог эпохи глубочайших социальных потрясений.

Дальнейший ход войны и те или другие его последствия могут несомненно развести в разные стороны те глубоко различные по своему идейному воспитанию и политическому прошлому социалистические элементы, которые сейчас объединяются борьбой за прекращение войны». [1]

Выражаясь проще, лозунг мира тем и хорош, что он может объединить между собой, если не навсегда, то хоть на время, революционеров с реформистами.

В таком объединении и видел главный вред для пролетариата Ильич, что он и высказал «откровенно» в одном из своих писем к т. Коллонтай, переходившей в то время на сторону большевизма. [2]

Другим основным аргументом Троцкого против лозунга

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», стр. 83. Разрядка моя. *В. В.*

[2] «Вы соглашаетесь,—пишет в этом письме т. Ленин,—с лозунгом гражданской войны, повидимому, не вполне, а отводя ему, так сказать, подчиненное (и пожалуй даже: условное) место позади лозунга мира. И Вы подчеркиваете, что «нам надо выдвигать такой лозунг, который объединял бы всех».

Скажу откровенно, что я всего более боюсь в настоящее время такого огульного объединительства, которое, по моему убеждению, наиболее опасно и наиболее вредно для пролетариата». (Ленинский сборник II, стр. 221).

гражданской войны и в защиту лозунга мира был следующий: «Для того, чтобы немецкий пролетариат захотел направить пушку 42 против своих классовых врагов, он должен перестать хотеть направлять ее против классовых братьев, — другими словами, он должен объединиться на враждебном отношении к этой войне»... [1]

Поэтому Троцкий придает «огромное значение кампании за мир, считая, что только под этим лозунгом может сейчас итти действительно широкая мобилизация масс». [2]

«Начавшись, — пишет он в другой статье, — с борьбы за прекращение войны, революционная мобилизация масс может закончиться завоеванием политической власти пролетариатом». [3]

Ильич не отрицал, конечно, того, что лозунг мира совпадает с настроением широких масс и может сделаться среди них весьма популярным.

Но, — замечал он, — «одно дело — лозунги сознательного авангарда рабочих, другое дело — стихийное требование масс...

Все усилия надо направлять на то, чтобы использовать настроение масс в пользу мира. Но как использовать?

Признавать лозунг мира и повторять его... это было бы обман народа иллюзией, будто теперешние правительства, теперешние командующие классы способны, без «обучения» (или, вернее устранения) их рядом революций, на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс. Нет, ничего вреднее этого обмана». [4]

Лозунг мира был решительно осужден известной уже

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 48.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же, стр. 83.
[4] Н. Ленин. «Вопрос о мире». Том XX, ч. I, стр. 536. Разрядка Ильича.

нам бернской конференцией большевистских заграничных секций, как способный «лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран». [1]

В своем письме от 14 ноября 1914 г. к т. Шляпникову Владимир Ильич отмечает, что наиболее умная часть английской буржуазии уже заигрывает с лозунгом мира и предсказывает, что «лозунг мира завтра-послезавтра подхватит немецкая буржуазия и особенно оппортунисты».

Жизнь не замедлила оправдать это предсказание: уже летом 1915 г. немецкие социал-патриоты заявили устами Кварка, одного «из виднейших и подлейших», по выражению Ильича, германских социал-демократов, что они «вполне готовы вступить в сношения для переговоров о мире», добавив при этом: «немецкое императорское правительство знает об этом и не ставит нам ни малейших препятствий».

Т. Ленин тогда же отметил, что это является лучшим доказательством правильности бернской резолюции и вместе с тем дает «урок тем любителям фразы, которые, подобно Троцкому (см. № 105 «Нашего слова»), защищают против нас лозунг мира»... [2]

Быть против фраз Троцкого о демократическом мире — не значит быть против демократического мира. Только мы не упускаем из виду невозможности такого мира, «если эта война не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм». [3]

«Мы за демократические требования, мы одни

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 51.
[2] Н. Ленин. «К оценке лозунга мира». Т. XX, ч. I, стр. 547.
[3] Н. Ленин. «О сепаратном мире». Т. XIII, стр. 392. Разрядка Ильича.

боремся за них нелицемерно, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией». [1]

Лозунг гражданской войны включает в себя требование демократического мира и исключает, следовательно, необходимость самостоятельного лозунга мира, но этот последний без лозунга гражданской войны объективно играет на руку буржуазии и социал-шовинистам, отвлекая рабочих от социалистической революции.

Итак, ни «гражданский мир» под социал-шовинистическим лозунгом «защиты отечества» ни «обывательский» лозунг мира центристов не могут быть приемлемы пролетариатом. «Пролетарский лозунг должен быть: гражданская война». [2]

2. ЛОЗУНГ ПОРАЖЕНИЯ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Этот второй большевистский лозунг периода войны является прямым следствием первого.

«Революция во время войны есть гражданская война, — пишет Владимир Ильич, — разъясняя этот лозунг Троцкому и его сторонникам из «Нашего слова», — а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению». [3]

Необходимо хорошо уяснить себе смысл этого лозунга,

---

[1] Н. Ленин. «О программе мира». Т. XIII, стр. 236. Разрядка Ильича.

[2] Письмо Ильича к А. Шляпникову. Ленинский сборник II, стр. 196.

[3] Н. Ленин. «О поражении своего правительства в империалистической войне». Том XIII, стр. 80.

ибо, пожалуй, ни один из наших лозунгов никогда не подвергался такому умышленному и неумышленному превратному толкованию, как лозунг «поражения своего правительства».

Хотя он имеет производное значение, как следствие лозунга гражданской войны, однако все наши враги и идейные противники рассматривали его как основной лозунг большевизма и его именем окрестили все ленинское течение периода войны.

«События в России, — писал в одном из своих писем Ильич, — вполне подтвердили нашу позицию, которую дурачки социал-патриоты (от Алексинского до Чхеидзе) окрестили пораженчеством». [1]

Для лучшего уяснения смысла и значения лозунга «поражения» приведем еще соответствующее место из резолюции Бернской «конференции заграничных секций РСДРП»:

«В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, — читаем мы в этой резолюции, — не должна останавливаться перед возможностью, в результате революционной агитации, поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов».

Установив таким образом, что лозунг «поражения» применим к каждой воюющей стране, как являющийся производным от лозунга «гражданской войны», также применимого ко всем странам, резолюция переходит к оценке его значения для России и приходит к вы-

---

[1] Из письма к т. Шляпникову от 23/VIII 1915 г. Ленинск. сбор. II, стр. 239.

воду, что «поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом». [1]

То же признание поражения царской монархии наименьшим злом имеется также в манифесте ЦК, но лозунг поражения своего правительства еще не развит там с достаточной ясностью, как это сделано на Бернской конференции заграничных групп большевиков.

Заявив, что «при данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма», манифест еще не развивает той мысли, что решение этого вопроса имело бы значение для тактики пролетарских партий лишь при допущении, что империалистическая война не превратится в гражданскую войну и будет закончена теми же империалистическими правительствами.

Из лозунга гражданской войны, который в манифесте получил свое яркое выражение, не сделано еще, следовательно, четкого вывода, что нужно рассматривать основные вопросы тактики пролетариата не с точки зрения выгоды от победы или поражения той или иной группировки держав для развития социалистической революции в послевоенный

---

[1] Н. Ленин. Т. XIII, стр. 51. Разрядка резолюции.

После всего сказанного становится совершенно очевидной необходимость исправления весьма важного и весьма досадного недосмотра в учебнике т. Ем. Ярославского «Краткие очерки истории ВКП(б)», часть II, стр. 81, где мы читаем следующее: «Так как война эта — империалистическая, виновники ее — капиталистические правительства империалистических государств и так как наименьшее из зол в этой войне — поражение войск царского правительства, то большевики из этого делали неизбежный и правильный вывод: мы обязаны употребить все силы к тому, чтобы превратить империалистическую войну в гражданскую». (Разрядка т. Ярославского.)

Выводить лозунг гражданской войны для всех стран из признания поражения царского правительства наименьшим злом можно, конечно, лишь по недосмотру, в учебнике совершенно недопустимому,

период, а с точки зрения интересов этой революции в самый период войны. [1]

Поставленный таким образом вопрос приводит к распространению лозунга «поражения» на все страны, что и сделала Бернская конференция.

Ильич, как мы видели, называл именующих нашу позицию пораженчеством «дурачками», именно потому, что авторы такого наименования обнаруживали свою неспособность вырваться из тисков дилеммы: «победа или поражение»; для них совершенно было непонятно, как можно быть за поражение своего правительства и в то же время быть против победы противной страны, также как и против лозунга: «ни победы, ни поражения».

Пораженцами в прямом смысле этого слова были очень многие бундовцы.

«Бундовцы, напр., — писал Ильич, — большей частью германофилы и рады поражению России. Но чем же они лучше Плеханова. Оба оппортунисты, социал-шовинисты, только разных цветов». [2]

Такого же рода пораженцем по отношению к России, по всей вероятности, был и тот болгарский социалист, письма к которому и составили содержание брошюры Плеханова о войне.

«И вот, — пишет Плеханов этому болгарскому социалисту, — желая добра русскому народу, Вы, думается мне, хотели бы, чтобы Германия победила Россию». [3]

---

[1] Еще меньшей четкостью формулировок страдают составленные Ильичом в августе 1914 г. «Тезисы по поводу настоящей борьбы» (т. XX, ч. I, стр. 465 — 467), в которых имеется уже правильная постановка вопросов, связанных с войной, но основные ленинские лозунги даны лишь в зародыше, в совершенно не оформленном виде. Там же содержится еще лозунг Соединенных штатов Европы, перенесенный затем в манифест и признанный, как мы уже знаем, впоследствии самим Ильичом неправильным.

[2] Из письма к т. Шляпникову от 11/II 1915 г. Лен. сб., II, стр. 227.

[3] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 27.

Сущность большевистского «пораженчества» состояла не в этом, не в желании победы противоположной стороны, а в том, чтобы использовать войну для доведения классовой борьбы до самой крайней формы обострения, до гражданской войны, не закрывая глаз на то, что такая тактика ослабляет военную мощь страны и, следовательно, содействуют ее поражению; больше того, самые поражения должны быть использованы для усиления натиска на правительство со стороны пролетариата потерпевшей военные неудачи страны.

Поэтому наше «пораженчество» ни в коем случае не означало, а даже отвергало такие методы, способствовавшие поражению своей страны, как саботаж войны, индивидуальные акты стрельбы в офицеров, взрывы мостов, складов снарядов и амуниций или тем более призывы к переходу в лагерь противной страны.

«Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди «штатских»), ведущая к превращению войны в гражданскую войну»,[1] «возбуждение ненависти к своему правительству, призывы (повторные, настойчивые, многократные, неустанные) к солидарности рабочих воюющих стран, к совместной их гражданской войне против буржуазии»,[2] призывы к братанию.

В противовес большевистскому лозунгу «поражения своего правительства», социал-шовинисты выдвигали лозунг «победы».

Глава российских социал-патриотов, Плеханов, исходил в своих теоретических построениях из того положения, что «в настоящее время одним из самых важных условий достижения этой цели (т. е. конечной цели Интернационала)

---

[1] Из письма к А. Шляпникову от 17/X 1914 г. Ленинск. сборн., II, стр. 195.

[2] Из письма к А. Шляпникову от 31/X 1914 г. Там же, стр. 204.

является победа над германским империализмом, завоевательная политика которого, в случае своего торжества, надолго затормозит успехи социализма прежде всего в самой Германии, а затем, конечно, и в остальной Европе». [1]

«Говорить о мире, — писал он в октябре 1916 г., — пока еще значит сознательно или бессознательно, корыстно или бескорыстно работать «pour le roi de Prusse» (на прусского короля)... ибо «немецкий империализм «еще далек от полного поражения». [2]

Тактика социалистов, по мнению Плеханова, должна определяться положением: «все, что ослабляет силу сопротивления четверного согласия, идет теперь на пользу политической реакции». [3]

Упрек в том, что такая тактика означает поддержку антантовского, в том числе и русского империализма, он отводил следующим заявлением:

«Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма, и никогда этого не думал. Я убежден, что он заинтересован лишь в одном: «чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов». [4]

---

[1] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 90.
[2] Там же, стр. 75. Разрядка Плеханова.
[3] Там же, стр. 95.
[4] Брошюра «Г. В. Плеханов о войне», стр. 56.

Это — обычный прием социал-шовинистов всех стран, состоящий, по выражению Ильича, в надувательстве масс посредством формулы: «у господствующих классов империалистические тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления». (Том XIII, стр. 159.)

Так, например, даже такие махровые шовинисты, как члены Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, с Гвоздевым во главе, заявляют в своей декларации от 3 декабря 1915 г.:

...«Предпринимательские организации, объединенные Центральным военно-промышленным комитетом, все время войны только

Такая тактическая линия требует соответствующих мероприятий: голосования за военные кредиты, участия в правительстве, вхождения в военно-промышленные комитеты, отказа от стачечной борьбы и пр. и пр., одним словом, сосредоточения всех сил пролетариата на усилении военной мощи страны.

Что касается, как выражался Плеханов, «нелепой и постыдной ошибки» «пораженцев», то она объясняется очень просто:

«Это — именно те книжники и фарисеи революционного дела, для которых суббота важнее человека, внешнее выражение идеи важнее самой идеи». [1]

Центристы, как правого, так и левого толка, также относились к лозунгу «поражения своего правительства» крайне отрицательно.

Троцкий видел в нем, во-первых, проявление присущей большевикам склонности к «утрировке революционных лозунгов», как следствие «непримиримой реакции против социал-патриотизма», а во-вторых, «уступку политической методологии» того же социал-патриотизма.

Мы остановимся лишь на втором обвинении, как наиболее серьезном с первого взгляда.

Троцкий рассуждает таким образом:

«Поскольку поражение, при прочих равных условиях,

прикрывались флагом обороны, а на деле питали завоевательные планы, стремясь к захвату проливов и Константинополя, к отторжению Галиции и т. п., чем осложняли международный кризис».

Или еще:

«В глазах рабочего класса это — война командующих классов капиталистического общества за захват новых рынков, за порабощение небольших и отсталых народов, за мировое господство», но... «рабочие России не могут быть безразличными к нынешнему положению страны. Кровно, более, чем имущие классы, рабочий класс заинтересован в спасении страны от разгрома и гибели». (Сборник документов под заглавием «Канун революции» с предисловием Евг. Маевского. Издание Петр. ком. соц.-дем. меньш.-обор. 1918 г., стр. 17, 21 и 22.)

[1] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма». Стр. 23.

расшатывает данный государственный строй, постольку предполагаемая поражением победа другой стороны укрепляет противную государственную организацию. А мы не знаем такого европейского социального и государственного организма, в упрочении которого был бы заинтересован европейский пролетариат, и, в то же время, мы ни в коем смысле не отводим России роли избранного государства, интересам которого должны быть подчинены интересы развития других европейских народов». [1]

Это значит, что если поражения, например, России, способствуют и облегчают свержение царской монархии и тем самым приносят пользу революционной борьбе российского пролетариата, то, с другой стороны, они усиливают германский кайзеризм, нанесший поражение войскам царя, и, следовательно, затрудняют революционную борьбу немецкого пролетариата. При таких условиях, лозунг поражения царского правительства может быть принят лишь теми, кто из патриотических чувств отдает предпочтение интересам российского пролетариата в ущерб интересам пролетариата других стран.

Те же, кто, подобно Троцкому и его сторонникам, не отводят России «роли избранного государства», должны, конечно, быть против лозунга пораженчества, этого «вывороченного наизнанку национализма». [2]

Эти рассуждения лишь показывают, что центристская мысль сама беспомощно бьется в тисках дилеммы: победа или поражение своей собственной страны, как единственного практического вопроса момента, и не понимает, что дело в линии работы социалистов всех стран, выражающейся в политике «использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том I, стр. 243.
[2] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 140.

достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению». [1]

«Отделываясь фразами, — пишет по этому поводу Ильич, — Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России — значит желать победы Германии... И в этом Троцкий повторяет «методологию социал-патриотизма». [2]

Чтобы лучше уяснить себе смысл лозунга «поражения своего правительства» и лучше понять, что возражения Троцкого направлены, так сказать, не по адресу, сравним этот лозунг войны 1914 — 1918 гг. с лозунгом «поражения» в «будущей сугубо-империалистической» войне капиталистических стран против СССР, как он был выдвинут и истолкован VIII пленумом ИККИ в мае 1927 г.

«Если, — читаем мы в резолюции этого пленума, — в обычной империалистической войне двух капиталистических стран рабочие, высказываясь за поражение своих правительств, не могут стоять за победу какой бы то ни было из воюющих стран, то в сугубо-империалистической и сугубо-контр-революционной войне против китайской революции (сегодня Ухана) или СССР они должны активно бороться за победу трудящихся масс Китая и СССР». [3]

Следующий пункт резолюции говорит, что лозунг братания «в войне империалистов против революционного Китая (сегодня Ухана) и Советского союза должен быть связан с призывом к переходу солдат империалистических армий в подходящий момент на сторону войск революции». [4]

---

[1] Н. Ленин. «О поражении своего правительства в империалистической войне». Том XIII, стр. 82. Разрядка Ильича.

[2] Там же, стр. 79.

[3] VIII пленум ИККИ, тезисы, резолюции и воззвания. Госизд., 1927 г., стр. 42 — 43. Разрядка моя. *В. В.*

[4] Там же, стр. 43. Разрядка моя. *В. В.*

Вот здесь о лозунге пораженчества, поскольку дело идет о войне, скажем, Англии и СССР, можно говорить, как о «вывороченном наизнанку» патриотизме английских рабочих, но и то не в том смысле, что пролетариат в своем желании поражения своей страны будет отводить ей «роль избранного государства», а в том смысле, что он будет стремиться к победе противной стороны, к победе СССР, как своего социалистического отечества.

Ведь всем известно, что, по выражению Ильича, «мы с 25 октября 1917 г. стали оборонцами», а международный коммунистический пролетариат рассматривает СССР, как свое отечество.

Толкование лозунга «поражения своего правительства» в 1914—1918 гг., как желание победы противной стороне, обнаруживало лишь неспособность противников этого лозунга подняться над уровнем обывательской постановки вопроса: победа или поражение той или иной страны.

Тот же порок центристской мысли обнаруживают и довод о невозможности «пан-пораженчества» и лозунг: «ни побед ни поражений». Как наши правые центристы из меньшевистского ОК твердили о бессмыслице желания поражения всем, ибо победить может или Германия или Россия (по иронии истории, как раз обе эти страны оказались побежденными), так и «каутскианцы из «Vorwärts'a»— те самые, — напоминал т. Зиновьев, — которые голосуют против военных кредитов лишь постольку, поскольку «границам нашего отечества не угрожает никакой опасности», приводили тот же довод против «пан-пораженчества».

Т. Зиновьев в статье «„Пораженчество" прежде и теперь» весьма кстати напоминал выставлявшим этот довод центристам, что в 1885 г. в момент наибольшего обострения конфликта между Англией и Россией, когда война между этими странами казалась неизбежной, Жюль Гед, глава

французских ортодоксальных марксистов, занял именно позицию «пан-пораженчества».

«Какой бы, — писал он, — из этих двух — одинаково угнетательских, хотя и разнородных — режимов ни пал под ударами противника..., это будет та брешь, через которую войдет новый общественный строй. Поэтому мы можем предоставить carte blanche (свободу выбора) богу побед. Как бы ни поступил он, он будет работать на нас». [1]

Центристский лозунг «ни победы ни поражений» подвергся резкой критике со стороны Ильича.

«Но ведь это не что иное, как перефразировка лозунга «защита отечества». Это именно перенесение вопроса в плоскость войны правительства..., а не борьбы угнетенных классов против своего правительства».

В этом лозунге т. Ленин видел замаскированный отказ от классовой борьбы, ибо «пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию „чужой", воюющей с „нами" страны, не совершая „государственной измены", не содействуя поражению, не помогая распаду „своей" империалистической „великой державы".

При таком лозунге, клич „война войне" есть лишь пошлая фраза». [2]

Кто заявляет, что он против поражений своей страны (а именно это и говорит лозунг «ни побед ни поражений»), тот неизбежно скатывается к социал-шовинизму, многочисленные представители которого, в роде немецкого крайнего оппортуниста Давида, объясняли свою тактику голосования военных кредитов и вообще поддержки своей бур-

---

[1] Сборник «Против течения». Изд. Петр. сов. раб. и солд. деп., стр. 455 — 456.

[2] Н. Ленин. «О поражении своего правительства в империалистической войне». Том XIII, стр. 81, 82 и 83. Разрядка Ильича.

жуазии именно желанием избежать поражений, а вовсе не стремлением к победе.

Как мы видим, таким образом, лозунг «поражения» своего правительства является не «утрировкой», как думал Троцкий, а единственно последовательным революционным лозунгом, исключающим возможность скатывания на позиции социал-шовинизма.

3. ЛОЗУНГ НОВОГО III ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

«Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал», заявил уже манифест ЦК нашей партии в 1914 г.[1]

А Бернская конференция заграничных большевистских групп следующим образом выразила мотивы необходимости создания нового Интернационала и условия его построения:

«Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его роль прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. центр, с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм... Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительного социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами».[2]

Итак, для работы по созданию нового Интернационала руководящей нитью должны служить следующие два основных положения: 1) «к краху II Интернационала привел оппортунизм» и 2) чтобы III Интернационал мог избежать судьбы своего предшественника, необходимо «строить мар-

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 11.
[2] Н. Ленин. Том XIII, стр. 50.

ксистский Интернационал без и п р о т и в оппортунистов».[1]

Точка зрения социал-шовинистов и правых центристов типа Каутского на восстановление Интернационала была такова: сейчас Интернационал разрушен, но когда война кончится (когда-нибудь ведь она кончится), то социалисты всех стран снова сойдутся вмеете и будет все, как до войны. Ведь мы помним слова Каутского, что социалисты всех стран имеют право и даже обязанность защищать свою страну и потому не должны упрекать в этом друг друга.

Социал-шовинисты Антанты не отказывались сойтись после войны с германскими социал-патриотами, но заранее смаковали удовольствие, которое они получат от упрека немецким социал-демократам за их политику 4 августа (4 августа 1914 г. германские социалисты впервые голосовали за кредиты на войну).[2]

Что касается их отношения к «пораженцам», то они не требовали их исключения из Интернационала (оппортунисты всегда понимали пользу небольшого л е в о г о крыла, как ширмы для прикрытия их п р а в ы х дел). Плеханов грозил лишь им напомнить, «когда, по прекращению военной бури, Социалистический интернационал возобновит свою организационную работу», что «они несравненно ближе к анархо-синдикалистам, нежели к международным социалистам наших дней». [3]

Левые центристы устами, или вернее, пером Троцкого провозглашали:

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 121. Разрядка Ильича.

[2] Плеханов вполне соглашается с Виктором Адлером, австрийским социал-шовинистом, что «рано или поздно Интернационал будет восстановлен», но, замечает он, «тут следует прибавить, что взаимное доверие возможно будет между нами только в том случае, если, сойдясь опять, все мы громче, нежели когда-либо прежде, провозгласим австро-германское братолюбие Каина таким образцом, подражать которому никак не следует». (Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 66.)

[3] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 72.

«Бесспорной целью нашей нынешней идейной и организационной борьбы является очищение Интернационала от социал-национализма, создание таких условий, при которых революционно-социалистическая политика не только не могла бы подавляться националистическим большинством, но и парализоваться такой оппозицией, которая связью с буржуазной нацией дорожит больше, чем дисциплиной пролетарской организации». [1]

Из этого видно, что троцкисты были против организационного размежевания с социал-патриотами, как предварительного условия образования нового Интернационала, они были лишь за «очищение» старого Интернационала от «социал-национализма», причем, в результате такого очищения, внутри Интернационала может остаться шовинистическая оппозиция, лишь бы ее влияние не парализовало «революционно-социалистической политики» большинства.

Причем «из борьбы с социал-патриотами» может вытечь организационный раскол, но с этим надо считаться лишь «как с перспективой, а не как с лозунгом». [2]

А «в настоящий период (писалось это в июне 1915 г. *В. В.*), когда интернационалистам приходится только развертывать свою программу в рамках старых рабочих организаций, раскол оказался бы в подавляющем большинстве случаев нецелесообразным». [3]

Те же мысли проводит Троцкий и в своих статьях (в октябре 1915 г.) по поводу Циммервальдской конференции. В противоположность «циммервальдской левой», возглавлявшейся т. Лениным, сторонники Троцкого «не считали в тот момент организационный раскол общеобязательным условием работы в духе интернационализма». «Дело идет,

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 85.
[2] Там же, стр. 86 и 87. Разрядка Троцкого.
[3] Там же, стр. 88.

заявляли они, пока что о непримиримой и политической борьбе за влияние на массы внутри организаций».[1]

Тов. Ленин весьма резко отзывался о такой позиции «левого» центра: Троцкий всегда, писал Ильич, «ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практически согласен с ними»,[2] а в письме к т. А. Коллонтай (летом 1915 г.) он высказался еще резче о важнейших представителях троцкистского течения: «Роланд-Хольст, как и Раковский (видали его французскую брошюру?), как и Троцкий, по моему, все — вреднейшие „каутскианцы" в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектизм вместо революционного марксизма».[3]

Троцкий, с своей стороны, упрекал большевизм «в игнорировании созданных предшествующим развитием или порожденных войной политических и национальных вопросов (очевидно, намек на отрицательное отношение большевиков к лозунгу «Соединенные штаты Европы». *В. В.*), в утрировке революционных лозунгов («поражение России — меньшее зло», «не борьба за мир, а гражданская война») и в организационном размежевании со всеми другими оттенками интернационализма»[4] (т. е. в нежелании включать в III Интернационал реформистов, или, как выражался сам Троцкий, тех, «которые стремятся по возможности скорее восстановить под ногами пролетариата «нормальную» базу для его классового движения все в той же форме борьбы за реформы и упрочение организаций»).

В этом упреке получили свое отражение все важнейшие

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 46.

[2] Н. Ленин. «О положении дел в Российской социал-демократии». Т. XIII, стр. 86. Разрядка Ильича.

[3] Ленинский сборник II, стр. 235. Разрядка т. Ленина.

[4] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 111.

тактические разногласия между ленинским течением и левым центризмом, колебания и нерешительность которого были причиной краха попыток организационного оформления III Интернационала во время войны.

Так называемые Циммервальдские конференции (1-ая и 2-ая), на которых большевики-ленинцы возлагали (хотя и не очень большие) надежды, как на возможные зародыши III Интернационала, этих надежд не оправдали,[1] ибо оказалось, что «циммервальдское большинство есть именно каутскианцы», хотя,—добавлял Ильич,—этого «у нас еще не знают».[2]

4. ЦИММЕРВАЛЬДСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Первые попытки восстановить интернациональные связи между социалистами всех стран относятся еще к осени 1914 г., когда, по инициативе итальянских социалистов, со-

---

[1] «Однако, можно ли сказать..., — пишет т. Зиновьев после II Циммервальдской конференции в 1916 г., — что Циммервальд стал зародышем III Интернационала? Нет, этого по совести нельзя еще сказать». (Статья «Циммервальд-Кинталь» в сборнике «Против течения», стр. 368.)

Очень сильно ошибается т. Ем. Ярославский, когда пишет: «И хотя в то время еще многим казалось, что Циммервальд и Кинталь не являются зародышем нового, Коммунистического интернационала, однако, на деле это был именно зародыш Коминтерна» («Краткие очерки по истории ВКП(б)», ч. II, стр. 100).

В доказательство этого положения т. Ярославский ссылается на тот факт, что решения Кинталя были шагом вперед по сравнению с Циммервальдом в смысле приближения к большевистским лозунгам.

Если Кинтальская конференция была действительно «шагом вперед», то события после Кинталя, как мы увидим в дальнейшем, оправдали вполне сомнения т. Зиновьева, так что уже в апреле 1917 г. т. Ленин провозгласил к р а х Циммервальдского интернационала: «Нельзя, — писал он, — терпеть далее циммервальдское болото... Надо порвать с этим Интернационалом немедленно». («Задачи пролетариата в нашей революции». Том XIII, стр. 58 — 59.)

Значение циммервальдских конференций лишь в том, что на почве их работ сплотилась так наз. «циммервальдская левая», которая действительно явилась зародышем III Интернационала.

[2] Н. Ленин. Том XIII, стр. 58.

стоялись в г. Лугано два совещания (Италия в то время еще не вступила в войну, не решив вопроса, к какой группировке ей выгоднее примкнуть) представителей итальянской и швейцарской социалистических партий по 6 - 7 человек от каждой. Участники этих совещаний, называемых иногда Луганской конференцией, по крайней мере, в своем большинстве, еще стояли всецело на почве восстановления прежнего Интернационала, а потому лишь требовали скорейшего созыва Международного социалистического бюро, отложив до его созыва выработку конкретных мероприятий.

Затем в апреле 1915 г. в Берне, по инициативе т. Клары Цеткин, состоялась Интернациональная женская социалистическая конференция, на которой присутствовали делегатки от Германии, Франции, Англии, Голландии, Швейцарии, России и Польши.

На этой конференции произошел резкий конфликт между большинством ее и представительницами от России, с тт. Н. К. Крупской и Инессой Арманд во главе, настаивавшими на том, чтобы конференция не органичивалась лишь признанием войны империалистической, осуждением идеи «защиты отечества» и призывом рабочих к демонстрациям, а определенно признала бы крах II Интернационала и осудила бы оппортунизм, как причину этого краха, заклеймив измену делу социализма со стороны большинства социал-демократических партий.

Конфликт разрешился постановлением: на ряду с принятой резолюцией большинства занести также в протокол и опубликовать резолюцию меньшинства.

Приблизительно неделю спустя состоялась там же в Берне Интернациональная конференция социалистической молодежи. На ней присутствовали, главным образом, представители нейтральных стран: Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии (Италия вступила в войну лишь в конце мая 1915 г.); воюющие страны были предста-

влены или членами организаций, жившими в Швейцарии (Россия и Польша), или, как Германия, одним рабочим, перешедшим нелегально границу.

Здесь также разыгрался приблизительно такого же рода, как и на женской конференции, конфликт, закончившийся приблизительно таким же постановлением.

Наиболее серьезной попыткой к созданию международного объединения интернационалистов была открывшаяся в начале сентября 1915 года так называемая 1-ая Циммервальдская конференция. (Было три циммервальдских конференции: 1-ая происходила в швейцарском городке Циммервальде, близ Берна, в сентябре 1915 г., 2-ая — в швейцарской деревушке Кинтале, также Бернского кантона, в апреле 1916 г., и 3-ья — в столице Швеции, Стокгольме, в сентябре 1917 г.).

Инициатива созыва 1-ой Циммервальдской конференции принадлежала ЦК Итальянской социалистической партии. Начатые (на основании решения упоминавшихся нами выше совещаний в Лугано) итальянским депутатом Моргари переговоры потерпели полную неудачу, натолкнувшись на категорический отказ Вандервельде созвать до победы над Германией Международное социалистическое бюро, председателем которого он являлся; раздробление Интернационала привело вскоре к тому, что вместо международного конгресса состоялись три отдельных, обособленных друг от друга конференции: одна — в Копенгагене из представителей социалистических партий северных нейтральных стран, другая — в Лондоне из представителей социалистов Антанты, и третья — в Вене, из представителей социалистов центральных держав.

В виду этого ЦК итальянской партии при содействии швейцарских социалистов решил созвать международную конференцию из тех элементов социалистических партий, профсоюзов и вообще рабочих организаций, которые стояли

на точке зрения классовой борьбы и отвергали классовое сотрудничество с буржуазией в виде голосования за военные кредиты или в каких-либо других формах.

Организаторы стремились, к сожалению, сделать конференцию как можно более широкой за счет ее принципиальной выдержанности, настаивая на приглашении даже немецкого центра, с Каутским, Гаазе и Бернштейном во главе, которые незадолго перед этим выпустили (летом 1915 г.) манифест за мир без аннексий.

Это сближение с откровенными каутскианцами не состоялось лишь потому, что эти последние сами отказались от участия на конференции с левыми интернационалистами, держа курс, хотя и безуспешно, на сближение с социал-патриотами Антанты.[1]

Нет ничего удивительного, что при такой тенденции организаторов большинство участников конференции состояло из явных и скрытых каутскианцев, правых и левых центристов.

На конференции было представлено 11 стран 35 делегатами.[2] На ряду с центристским большинством с его двумя

---

[1] О подготовке и работе Циммервальдской конференции см. книгу Анжелики Балабановой «Из личных воспомчнаний циммервальца», изд. «Книга» 1925 г., стр. 26 — 75, статью т. Зиновьева «Первая международная конференция», сборник «Против течения», стр. 293 — 299, а также «Официальный отчет» о конференции в сборнике официальных документов: «Циммервальдская и Кинтальская конференция», изд. «Книга», 1924 г.

[2] От Германии 10 делегатов, из них большинство правой ориентации, сильно приближающейся к чистому каутскианству, с Ледебуром и Гофманом во главе, и лишь один сторонник Карла Либкнехта; от Франции — 2, Мергейм и Бурдерон, неустойчивые и колеблющиеся, оба скатившиеся вскоре к реформистам чистой воды; от Италии — 4, из них наиболее левую позицию занимал Серрати; от Балканской федерации — 2: т. Коларов от болгарских «тесняков», т. е. революционных марксистов, и Раковский от Румынской соц. партии, центрист типа Троцкого; от Швеции и Норвегии — 2: Хеглунд и Нерман, вошедшие в состав «Циммервальдской левой», возглавлявшейся т. Лениным; от Голландии — 1, Роланд Хольст, занимавшая тогда позицию «левого» центра; от Польши — 3: Радек, входивший в состав

крыльями: правым, возглавлявшимся Аксельродом и Мартовым, и левым, руководимым Троцким, на конференции сплотилась вокруг т. Ленина небольшая, но сплоченная группа в 7 - 8 человек, известная под именем «Циммервальдской левой»; по некоторым вопросам она разрасталась до 10 - 11 человек.

Эта группа и была первым камнем в постройке III Интернационала. «Сплочение указанной группы, — писал Ильич по этому поводу, — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции». [1]

Итоги работы конференции сводятся, во-первых, к выработке манифеста, обращающегося к «пролетариям Европы», и принятию резолюции «сочувствия» жертвам войны, разоряемым народам и преследуемым нациям, а также всем пострадавшим борцам «против шовинизма и за мир», в том числе и сосланным в Сибирь большевикам-депутатам IV Государственной думы, и, во-вторых, к образованию Интернациональной социалистической комиссии.

Манифест объявляет войну «плодом империализма» и видит ее причину в захватнических аппетитах великих держав, которые «стремятся кровью и железом перекроить заново карту Европы». Он называет «ложью» уверения буржуазии, что война ведется для защиты отечества и освобождения угнетенных народов, и обличает «социалистические партии и рабочие организации», голосовавшие за военные

«Циммервальдской левой», Варский и Лапинский (последний от ППС); от Швейцарии — 3: Гримм, Нэн и Платен (наиболее близкий к левой); наконец, от России — 8 делегатов (если не считать представителя Бунда, присутствовавшего с информационной лишь целью): от ЦК нашей партии—тт. Ленин и Зиновьев; от меньшевистского ОК — Аксельрод и Мартов; от редакции «Нашего слова» — Троцкий; от эсеров — Бобров (М. А. Натансон) и Гарденин (Виктор Чернов); от Латышской с.-д.— Винтер (Я. А. Берзин), член «Циммерв. левой».

[1] Н. Ленин. «Революционные марксисты на Международной социалистической конференции 5 — 8 сентября 1915 г.». Т. XIII, стр. 203.

кредиты, пославшие в правительства в качестве министров своих представителей и втягивавшие в войну нейтральные государства, в том, что они подобными действиями «попрали» постановления международных социалистических конгрессов в Штутгарте (1907 г.), в Копенгагене (1910 г.) и в Базеле (1912 г.).

В заключение манифест призывает рабочих всех стран к борьбе «за мир без аннексий и контрибуций».

Центристы не хотели окончательного разрыва с социал-шовинистами. Официальный отчет этой конференции, объясняя отклонение резолюции «Циммервальдской левой», прямо говорит: «Ни в коем случае не следует давать повод думать, что конференция желает привести к расколу и основать новый Интернационал». Поэтому манифест говорит резко о лжи капиталистов и умалчивает о той же лжи оборонцев-социалистов, а также смягчает выражения об измене социалистов постановлениям международных конгрессов и не выявляет причин этого явления, чтобы при чтении манифеста не напрашивался сам собой вывод о необходимости разрыва с изменниками-оппортунистами.

Отказались также центристы указать в манифесте, что капитализм уже подготовил все материальные предпосылки, необходимые для пролетарской революции, и умолчали о том, что «мир без аннексий и контрибуций» возможен лишь при победе этой революции.

Почему же все-таки представители «Циммервальдской левой» согласились подписать этот манифест? Допустимо ли было подписание такого половинчатого непоследовательного документа?

На эти вопросы отвечает сам т. Ленин, давший свою подпись под манифестом Циммервальдской конференции.

Мы, — рассказывает Ильич, — от имени «всей левой, международной революционно-марксистской части конференции» предложили свой проект манифеста и свою

особую резолюцию. Завоевать на свою сторону большинство конференции и провести свои резолюции полностью нам не удалось.

О нашем несогласии с рядом пунктов принятого манифеста мы сделали особое специальное заявление.

Иначе говоря: «мы не скрыли ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики».

Но нельзя все же упускать из виду, что нам удалось провести в манифесте «ряд основных мыслей революционного марксизма», что, например, «самое существенное из того, что надо сказать об империалистическом характере войны и что сказано в нашей резолюции, здесь повторено»; получила в манифесте также свое отражение наша мысль, что «борьба за мир без революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, что единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм».

Следовательно, хотя логические выводы из этих положений не были сделаны, принятые наши мысли не были развиты до конца, до принятия наших основных лозунгов: гражданская война, поражение своего правительства, III Интернационал, все же «шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, и разрыву и расколу с ним» сделан.

И «было бы,—подчеркивает Ильич,—сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего»...[1]

[1] Н. Ленин. «Первый шаг», стр. 199—202. Разрядка моя. *В. В.* Здесь, таким образом, мы имеем случай на наглядном примере из истории нашей партии убедиться, что большевизм вовсе не разделяет точки зрения анархистов: «никогда никаких компромиссов», а также вспомнить, обратив особое внимание на подчеркнутые места, какого характера и при выполнении каких условий большевистская практика допускает компромиссы.

Надежду на возможность добиться большего давал более всего тот факт, что на Циммервальдской конференции была избрана Интернациональная социалистическая комиссия (ИСК), которая, по мнению Ильича, могла бы превратиться в новое Международное социалистическое бюро, в силу того, что она была основана «вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого».

Правда, мы знаем, что Циммервальдская конференция энергично отмахивалась от идеи образования нового Интернационала; на той же позиции стояла и сама Интернациональная социалистическая комиссия, отражавшая настроение центристского большинства и даже заявившая вскоре после Циммервальда, что она распустит себя, как только начнет функционировать Международное социалистическое бюро (МСБ), перенесенное за это время из Брюсселя в Гаагу.

Но, несмотря на такое заявление, ни на каком официальном постановлении Конференции не основанное, ИСК самой логикой вещей и событий превращалась в орган, противостоящий и заменяющий собой МСБ.

В начале февраля 1916 г. состоялось расширенное заседание ИСК, на котором присутствовало около 15 представителей различных стран и на котором было выработано обращение «ко всем примыкающим партиям и группам».

В этом программном обращении к рабочим всех стран говорится, что «Интернационал не может существовать, когда его секции ассигнуют кредиты на смертоносные орудия, при помощи которых убивают пролетариат других стран», осуждается «всякая попытка воссоздать Интернационал путем взаимной амнистии скомпрометировавших себя оппортунистических вождей», провозглашается задача сплочения пролетариев всех стран «в живую революционную силу», способную в своей борьбе против войны итти «вплоть до открытой экономической и

политической борьбы масс против господствующих классов и их правительства», причем упоминается также о таких формах протеста против войны, как братание в траншеях.

Часть пунктов этого обращения была внесена по настоянию представителей «Циммервальдской левой», которая, констатировав несомненное приближение данного обращения к ее взглядам, все же, за подписью тт. Ленина, Зиновьева и Радека, внесла заявление о том, что она не находит обращение удовлетворительным во всех пунктах.

А после совещания т. Зиновьев в статье «После Циммервальда» писал: хотя «ход событий неизбежно толкает в нашу сторону» Циммервальдский блок, однако «в настоящий переходной момент никто не возьмется предсказать», куда придет этот блок, «не придет ли он, или часть его, к им же заклейменной теперь «амнистии». [1]

Во исполнение постановления этого расширенного заседания ИСК, в конце апреля состоялась вторая Циммервальдская конференция в Кинтале. На ней присутствовало 40 представителей от 8 стран; Болгария, Румыния, Швеция и Норвегия не могли прислать своих представителей; так же, как и на первой конференции, отсутствовали английские делегаты, которым было отказано правительством «свободной» Англии в выдаче паспортов. Вообще вследствие чинимых правительствами воюющих стран препятствий около 20 делегатов, главным образом, сторонников «Циммервальдской левой», не могли прибыть на Конференцию. [2]

---

[1] Сборник «Против течения», стр. 354. См. также упомянутую выше книгу Анжелики Балабановой, стр. 74, 86 и 95, и сборник официальных документов под заглавием «Циммервальдская и Кинтальская конференции». Изд. «Книга», 1924 г., стр. 52 — 58.

[2] От Германии было 7 делегатов: 1 сторонник «Циммервальдской левой», 2 из группы «Internationale», очень приблизившейся к левой, и 4 от центра, с Ледебуром и Гофманом во главе; Каутский и Гаазе, лично приглашенные на конференцию, сочли для себя неудобным приехать, ибо они являются, как они заявили, официальными представителями германской партии.

От Франции было 4 делегата, из них 3 полевевших депутата

Результатами работ Кинтальской конференции явились манифест, под заглавием: «К разоряемым и умерщвляемым народам» и 2 резолюции: одна — «Об отношении пролетариата к вопросу о мире» и другая — «Об отношении к Международному социалистическому бюро в Гааге».

Все эти постановления отличаются большей резкостью, сравнительно с 1-ой Циммервальдской конференцией, по отношению к социал-шовинистам: уже говорится о лжи относительно целей войны не только со стороны капиталистов, но и со стороны «социал-патриотических агентов правительств»; Международное социалистическое бюро объявляется унизившимся «до недостойной роли послушного орудия и заложника в руках одной из империалистических коалиций».

По вопросу о мире подчеркивается, что «борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма» и решительно осуждаются «утопические требования буржуазного и социалистического пацифизма», как имеющие своей целью ввести массы в заблуждение и тем отклонить их от «революционной классовой борьбы».

Сделан, следовательно, еще шаг вперед в направлении к идеям «циммервальдской левой», но все же ни один из

парламента: Бризон, Блан и Рафэн-Дюжанс, каутскианцы чистой воды.

От Италии — 7 делегатов: большинство каутскианцы, меньшинство приближалось к «Циммерв. левой», особенно т. Серрати.

От Швейцарии — 6: на стороне «левой» — Платтен, с которым иногда голосовало вместе еще 2, на стороне центристского большинства Гримм.

От Сербии — 1, Кацлерович, большею частью шел с «левой».

От Польши—5, из них 3 (Радек, Бронский и Домбровский) принадлежали к «левой», 1 (Варский) поддерживал иногда «левую», 1 (Лапинский) — ориентации правого центра.

От России — 8, трое от ЦК нашей партии — Ленин, Зиновьев и Петрова (Инесса Арманд) (Зиновьев представлял также латышскую с.-д. партию); от меньшевистского ОК — Мартов и Аксельрод; от с.-р. — трое во главе с Бобровым (Натансоном).

Кроме того, присутствовали еще один делегат от Португалии и один делегат от международного союза с.-д. организаций молодежи.

основных трех лозунгов большевизма не был принят.

Более того, несмотря на осуждение «социалистического пацифизма» в резолюции «Об отношении пролетариата к вопросу о мире», пацифистские иллюзии наполнили собой другой документ Кинтальской конференции, ее манифест «к разоряемым и умерщвляемым народам».

Обращаясь к пролетариям всех стран, манифест взывает:

«Оказывайте самое сильное давление, какое только можете, на ваших депутатов, на ваши парламенты, на ваши правительства.

Требуйте от представителей социалистических партий немедленного отказа от поддержки военной политики правительства. Требуйте от социалистических депутатов, чтобы они отныне голосовали против всех военных кредитов...

Пусть правительства увидят, что во всех странах растет ненависть к войне и желание социального искупления.

Тогда приблизится час мира среди народов».

Здесь отражена вся суть центризма в вопросе о мире, его социал-пацифизм: не путем революционного свержения существующих правительств, а путем давления на них, путем угрозы можно добиться демократического мира. Испуганные приближением часа «социального искупления» буржуазные, империалистические правительства дадут народам мир без аннексий и контрибуций.

Именно такого рода непоследовательность, а особенно «колебания, нерешительность в важнейшем, практически всеопределяющем вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом и социал-шовинистическим старым Интернационалом», — писал Ильич год спустя (10 апреля 1917 г.), — и явилась причиной «краха» Циммервальдского интернационала». [1]

А открывавшаяся через две недели после этого заявле-

[1] Н. Ленин. «Задачи пролетариата в нашей революции». Том XIII, стр. 57. Разрядка Ильича.

ния т. Ленина «Апрельская конференция» нашей партии в резолюции о положении в Интернационале заявила: «Кинтальская конференция на словах осудила пацифизм буржуазный и социалистический. Но на деле большинство партий и групп, входящих в циммервальдский блок, продолжает политику социал-пацифизма. Колеблющаяся тактика Циммервальдского большинства привела к тому, что в некоторых странах Циммервальд начал уже становиться тормозом для революционного движения». [1]

Важнейшим фактом, свидетельствовавшим о крахе Циммервальдского интернационала, было официальное заявление Гримма, члена бюро Бернской ИСК, что это бюро немедленно себя распустит, если соберется Международное социалистическое бюро старого Интернационала.

Гримм, не отрицая того, что ни в Циммервальде, ни в Кинтале такого постановления не было сделано, все же считал себя в праве сделать такого рода заявление, так как оно опиралось (и в этом он был прав) на волю большинства Циммервальдского блока, и на том же основании вступил в контакт с секретарем Международного социалистического бюро, Гюисмансом, для подготовки международной конференции, созываемой в Стокгольме социал-шовинистами.

Резолюция апрельской конференции «решительно протестует против попыток Бернской межд. соц. к-ссии войти в соглашение с организаторами Стокгольмской конференции, соц.-патриотами Трульстрой, Брантингом и др.», но все же постановляет «остаться в циммервальдском блоке», поручив ЦК «приступить немедленно к шагам по основанию Третьего интернационала».

Это постановление было принято, как известно, против Ильича, который предлагал немедленно порвать с «циммер-

---

[1] «Петроградская общегородская и всероссийская конференция Р. С.-Д- Р. П.» (большевиков) в апреле 1917 г.» Госизд., 1925, стр. 165—166.

вальдским болотом», оставшись в Циммервальде лишь «с информационной целью».

Точку зрения большинства конференции защищал т. Зиновьев, надеявшийся на возможность отрыва от Циммервальда еще части его членов.

Так как на одном из совещаний циммервальдцев было постановлено созвать третью циммервальдскую конференцию в Стокгольме за несколько дней до открытия международной конференции социал-шовинистов, то апрельская конференция нашей партии постановила: «принять участие в Международной конференции циммервальдцев, назначенной на 18 мая».

На самом деле ни та ни другая конференция не состоялись в мае: их созыв был перенесен на сентябрь.

Из них в действительности состоялась лишь циммервальдская.

В связи с этим перенесением 3-ей Циммервальдской конференции на сентябрь Ильич в своем письме «По вопросу о Циммервальде» писал:

«Теперь особенно ясна ошибка, что мы не вышли из него... Циммервальд „ждет" Стокгольма... И мы участвуем в комедии... Это позор. Надо уйти из Циммервальда тотчас». [1]

Так как 3-я Циммервальдская конференция никакого серьезного значения не имела и иметь не могла, мы на ее работах останавливаться не будем. [2] Она доказала лишь правоту т. Ленина, настаивавшего на разрыве с Циммервальдом.

Официальный разрыв с Циммервальдом был провозглашен в марте 1919 г., на I конгрессе Коминтерна, на

---

[1] Ленинский сборник VII, стр. 322—323. Разрядка Ильича.

[2] От ЦК нашей партии на 3-ей Циммервальдской конференции присутствовали т.т. Воровский (Орловский) и Семашко (Александров); присутствовал также Радек от Польши.

котором было сделано следующее «заявление участников Циммервальдской конференции»:

«Циммервальдское объединение изжило себя. Все, что было в Циммервальдском объединении действительно революционного, переходит и примыкает к Коммунистическому интернационалу.

Нижеподписавшиеся участники Циммервальда заявляют, что они рассматривают Циммервальдскую организацию ликвидированной и предлагают Бюро циммервальдской конференции передать все его документы Исполнительному комитету III Интернационала.

Х. Раковский, Н. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Фриц Платен»: [1]

---

[1] Н. Ленин. Том XVI стр. 53.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

«Примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии. Ибо на деле «объединение (или примирение и т. п.) с Чхеидзе и Скобелевым (в них гвоздь, ибо они выдают себя за «интернационалистов») есть «единство» с Окистами, а через них с Потресовым и К°, т. е. на деле лакейство перед социал-шовинистами. Если Троцкий и К° это не поняли, тем хуже для них».

(Из письма Владимира Ильича к т. Шляпникову в сентябре 1916 г.)

«Ни тени серьезного политического различия нет не только между О. К. и фракцией Чхеидзе, но и между обоими этими учреждениями и «Рабочим Утром» или «Призывом».

Н. Ленин.

1. „БРЮССЕЛЬСКИЙ БЛОК" ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

В период войны прежние группировки среди российских социал-демократов несколько видоизменились: именно, основным признаком деления стало отношение к войне и связанным с нею основным вопросам. «Интернационалисты» и «социал-патриоты» — вот важнейшие группировки эпохи войны; можно было, как замечал Ильич, называть их иначе: например, «революционные социал-демократы» и «национал-либеральные рабочие политики.» [1]

В марте 1915 г. редакция ежедневно издававшейся в Париже русской газеты «Наше слово», во главе которой в то время стояли Троцкий и Мартов и которая причисляла себя к «интернационалистам», обратилась к ЦК нашей партии, с одной стороны, и к ОК (Организационному комитету) меньшевиков, с другой, с предложением устроить совеща-

[1] Н. Ленин. «Вопрос об объединении интернационалистов». Том XIII, стр. 65.

ние интернационалистов для выработки своего «отношения к войне и к российскому социал-патриотизму».

В своем ответе на это предложение ЦК указал на необходимость предварительного выяснения вопроса, имеется ли между ним и «Нашим Словом» «солидарность в основном», и выразил при этом большое сомнение относительно того, имеются ли основания причислять к «интернационалистам» ОК.

Как бы в подтверждение этих сомнений ОК в своем ответе «Нашему слову» выразил протест против предварительного отбора на такого рода совещание и высказался за то, чтобы на него были приглашены заграничные представительства «всех трех партийных центров и групп, которые были представлены на объединительной общепартийной конференции при Международном Социалистическом Бюро в Брюсселе». Как известно, на этой конференции, имевшей место 16 - 17 июля 1914 г., был организован так называемый «брюссельский блок», т. е. новая коалиция против большевиков, в которую вошли остатки полуразвалившегося «августовского блока», Бунд, плехановцы, впередовцы и «левица» ППС.

Таким образом, меньшевистский ОК, претендующий на «интернационализм», настаивал на приглашении на совещание самых откровенных и самых махровых социал-патриотов, как Плеханов и впередовец Алексинский, а также и бундисты, среди которых, как мы уже отмечали, преобладал шовинизм германофильский. [1]

---

[1] В заграничный секретариат ОК входили: П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, С. Ю. Семковский и И. С. Астров-Повес.

«Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» (Русский революционный архив, Берлин) свидетельствуют о том, что члены ОК весьма легко жертвовали своими «интернационалистскими» тенденциями в пользу борьбы с большевизмом и возможности восстановления антиленинского блока.

Так, например, в письме к Аксельроду еще от 27 октября 1914 г.

Все это подтверждает лишь слова Ильича, что в период войны старые группировки в российской социал-демократии не устарели, а только видоизменились.

Хотя организационно брюссельский анти-большевистский блок распался с самого начала войны, идейное родство между его отдельными частями сохранилось: он представлял собой целую гамму оттенков социал-шовинизма.

1. На самом крайнем правом фланге находилась ярко шовинистическая группа плехановцев, объединившаяся с эсеровскими шовинистами в органе «Призыв» и шедшая под лозунгом войны до победного конца.

На этой группе мы можем не останавливаться, поскольку из предыдущих лекций нам уже известны взгляды ее вождя, Плеханова, по всем основным вопросам того времени. [1]

Мартов, констатируя, что Плеханов «все более увязает в российско-националистском болоте» и что его позиция производит «самое деморализующее действие» на русскую публику, все же соглашается с Аксельродом, что «нельзя было ничего предпринимать, не поговорив предварительно с Плехановым». «Очевидно также, — добавляет Мартов, — что Ленин с К° нас больше скомпрометирует, чем будет нам полезен» (стр. 305).

А в письме от 11 мая 1915 г. к Семковскому тот же Мартов учит своего соратника, как лучше поступить, чтобы сгладить впечатление от отказа принять участие в конференции с ленинцами без социал-шовинистов.

Дается совет мелко-политиканского характера не опубликовывать пока переписки по этому вопросу с «Нашим словом», а послать ему «в ответ на наше письмо» (т. е. письмо «Нашего слова», в редакции которого состоял сам Мартов) заявление такого характера: так как дело идет не об «общепартийном строительстве», а о выступлении по отдельному вопросу, то мы согласны. «Практического результата, — поясняет Мартов, — этот ответ иметь не будет, вероятно, ибо, очевидно, Ленин от конференции уклонится», но таким образом, будет отнята «у Троцкого (тоже члена редакции «Нашего слова». *В. В.*) возможность представлять ваш первый ответ, как проявление „фракционного консерватизма", ищущего предлогов, чтобы не сближаться с ленинцами и на этом основании ставить знак равенства между „фракционностью" нашей и ленинцев» (стр. 333—334). По сути дела это — переписка между Мартовым из «Нашего слова» и Мартовым из ОК; цель ее — скрыть свое родство с социал-шовинистами.

[1] Приведем характеристику, данную этой группе главой левых центристов, Троцким, в середине 1916 г.:

«Группа «Призыв», давшая знамя всем отступническим, полити-

2. Непосредственно за «призывцами» следует группа «Самозащиты», возглавлявшаяся Потресовым, Левицким, Маевским, Верой Засулич и другими литераторами из журналов: «Наша заря», «Наше дело» и «Дело».

Эта наиболее влиятельная из всех группировок «Августовского блока», сохранившая свои связи времен ликвидаторства и с широкими слоями буржуазной интеллигенции и с верхушкой наиболее привиллегированных слоев рабочего класса, проводила в рабочие массы свой шовинизм под лозунгом «самозащиты».

Мы уже упоминали в первом разделе, что теоретическое обоснование этого лозунга Потресовым было вполне тождественно с Плехановским обоснованием антантовского патриотизма вообще.

Оттенок различия между действовавшей в России группой «Самозащиты» и заграничной плехановской группировкой почти неуловим: первая отличалась пожалуй, лишь несколько большей тонкостью приемо подкрашивания марксизма под империализм, чем вторая [1]

чески-развращенным, шовинистическим элементам интеллигенции и явно анти-революционным элементам рабочего класса, непрерывно опускалась за этот период по наклонной плоскости либерально-милитаристской фальсификации социализма и разнузданной шовинистической травли революционной социал-демократии».

«Отношение к этой желтой группе..., — делает вывод Троцкий, — не может возбуждать никакого сомнения в среде интернационалистов». (Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 194.)

[1] Для иллюстрации шовинизма группы «Самозащита» приведем несколько примеров.

Потресов, различая «патриотизм агрессивно-буржуазный», несовместимый с интернационализмом, от «патриотизма пролетарски-демократического», т. е. «очищенного от классового или местного своекорыстия», приходил к выводу, что путь «в международное царство братства и равенства» лежит «через патриотизм». «Иного пути нет».

Этот певец «патриотизма защитного цвета» был вынужден с болью в сердце признать, что в силу нашей отсталости от Европы «в России все еще нет патриотизма, как массового явления».

О том же плачется и другой видный шовинист-ликвидатор, В. Левицкий: «По всему своему прошлому, — пишет он, — пролетариат России психологически абсолютно не был подготовлен

3. Затем следует право-центристская группировка, возглавлявшаяся меньшевистским ОК или, вернее, его заграничным секретариатом, в котором также можно различать некоторые оттенки от наиболее правого Аксельрода до наиболее левого Мартова, в течение первого года войны работавшего вместе с Троцким в газетах «Голос» и «Наше слово».[1]

к тому, чтобы «принять при известных условиях навязанную ему войну и встать на защиту страны, как это сделал пролетариат других воюющих стран». (См. статьи этих авторов в сборнике «Самозащита». Петроград. 1916 г., стр. 10, 21 и 113.)

Относительно этой разновидности русского шовинизма Троцкий замечал, что она «в виду общественно-политических условий России имеет наиболее злокачественный характер». (Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 194.)

Это вполне правильное заключение подтверждается также и тем фактом, что плехановская группа, по сведениям самой охранки, не имела почти совсем сторонников среди рабочих. (Д. Баевский. «Партия в годы империалистической войны» в «Очерках по истории Октябрьской революции», под редакцией М. Н. Покровского. Госизд., 1927, стр. 391).

[1] Официальным органом этой группировки были издававшиеся в Швейцарии (весьма нерегулярно) «Известия Заграничного Секретариата О. К.».

«Голос», ежедневная русская газета в Париже, основана группой безработных наборщиков в начале сентября 1914 г. В первое время газету вели, главным образом, Антонов-Овсеенко (Галльский), бывший ликвидатор, и Иван Безработный (Мануильский), бывший впередовец (с 1917 г. оба коммунисты). Приглашали Мартова, но он сначала отказался принять деятельное участие. «Тогда, — рассказывает сам Мартов,—наборщики позвали первых встречных, и дело пошло понемногу... Нельзя, поэтому, поручиться, что они, например, не позовут в сотрудники Ленина и т. д.» (Письмо к Аксельроду от 27 октября 1914 г. в цитировавшейся уже переписке Мартова и Аксельрода, стр. 306.) По тем или иным соображениям Мартов принял вскоре в газете самое деятельное участие.

В ноябре 1914 г. поселился в Париже Троцкий и также начал работать в «Голосе».

17 января 1915 г. на 108 номере «Голос» был закрыт французским правительством по проискам русского посла Извольского.

Вместо него, при той же редакции, была основана 29 января того же года газета «Наше слово», просуществовавшая до конца сентября 1916 г., когда была также закрыта.

Как в «Голосе» так и в «Нашем слове» шла внутренняя борьба между право-центристским направлением, возглавлявшимся Мартовым, и течением левого центра, во главе с Троцким. К началу 1916 г., при помощи критики «Социал-Демократа», центрального

Социал-шовинистическая суть взглядов Аксельрода, типичного каутскианца, одинаково одобряющего поведение как германских, так и антантовских патриотов, выявлена с исчерпывающей полнотой т. Лениным в статье «Русские Зюдекумы».

Аксельрод признает, например, что французские империалисты стремились, конечно, через два - три года вызвать войну, но все же, по его мнению, нельзя игнорировать то обстоятельство, что подвергшиеся со стороны Германии государства были поставлены «в необходимость защищать свою самостоятельность».

«Пока существуют отечества, пока жизнь и движение пролетариата будут в такой мере, как до сих пор, втиснуты в рамки этих отечеств, и он не будет вне их чувствовать особой, другой, интернациональной, почвы, до тех пор для рабочего класса вопрос о патриотизме и самообороне будет существовать». Именно это «живое чувство, сознание органической связи с тем куском земли, отечеством, на котором живет и работает немецкий пролетариат», и определило поведение германской социал-демократии.

органа большевиков, как это признал впоследствии сам Троцкий, мартовцы были вытеснены из газеты, и главнейшими сотрудниками «Нашего слова» после этого размежевания были: А. Балабанова, М. Бронский, Л. Владимиров, Дивильковский (Авдеев), К. Залевский, А. Коллонтай, А. Лозовский, А. Луначарский, Д. Мануильский (Безработный), В. Мещеряков, Овсеенко-Антонов (Галльский), М. Н. Покровский, М. Павлович, В. Полянский, К. Радек, Раппопорт (Варин), Рязанов (Буквоед), Х. Раковский, Ф. Ротштейн, В. Сокольников, Сергеев (Артем), Л. Троцкий, М. Урицкий (Борецкий), Г. Чудновский, Г. Чичерин (Орнатский). Из иностранцев к газете ближе всего стояли А. Росмер и Роланд Хольст. (Л. Троцкий «Война и революция», том I, стр. 28.) Ленинской ориентации из числа этих сотрудников были Радек и Коллонтай.

Главными пунктами расхождения с ленинцами у большинства сотрудников «Нашего слова», после ухода Мартова, по свидетельству Троцкого (там же, стр. 27) были пораженчество, борьба за мир и понимание характера грядущей русской революции. О первых двух пунктах мы уже говорили, о характере российской революции будет речь впереди.

В непосредственной связи с оправданием немецкого социал-шовинизма, совсем на бундовский манер, поставлено у Аксельрода и признание, что «поражение России, не могущее затронуть органическое развитие страны, помогло бы ликвидировать старый режим».

Эти взгляды Аксельрода совершенно правильно охарактеризованы Ильичом, как «образцовый ,,российско-бундовский" социал-шовинизм». [1]

В противоположность Аксельроду, рекомендовавшему «осторожность с обвинениями в оппортунизме» по адресу «испытанных марксистов», как Гэд, Каутский и другие, Мартов, особенно в интимной переписке, позволял себе употреблять такие эпитеты, как «предатель» или «старая баба», по отношению к Каутскому, или выражения в роде «шовинистические пошлости» для характеристики статей Плеханова, от которых, по его же собственному признанию, «чрезвычайно мало» отличаются писания Потресовых и Левицких в «Нашей заре» и «Нашем деле». [2]

Несмотря на все это, Мартов не только не соглашался рвать с открытыми шовинистами из группы «Самозащиты», но всячески, опять-таки по собственному признанию, «старался засыпать пропасть» между собой и этими элементами «августовского блока», ведущими, по его же выражению, «к крайнему реформизму, превосходящему все, что было видано до сих пор». [3]

Очень недовольный тем, что в России создается впечатление, будто весь меньшевизм стоит на точке зрения группы «Самозащиты», Мартов старается следующим образом установить с ней «нормальные» отношения: он соглашается вместе со своими сторонниками участвовать в легальных ор-

---

[1] Н. Ленин. «Русские Зюдекумы». Т. XIII, стр. 39 — 42.

[2] См. его письмо к Дану от 11 марта 1915 г. в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 325 и 324.

[3] Там же, стр. 323 и 325.

ганах этой группы («Наша заря», а затем «Наше дело») с условием, чтобы в этих органах не игнорировалось направление ОК, для чего предлагал, чтобы в начале новой книжки журнала «было сказано, что, в виду расхождения между меньшевиками в вопросе о войне, этот вопрос остается дискуссионным». [1]

Вот каким образом Мартов «отмежевывался» от социал-шовинистов, считая их, конечно (и вполне справедливо), законным оттенком «августовского блока».

В самой России ОК имел поддержку в так называемой «Петербургской инициативной группе» и в «Московской группе», которые вместе со своими заявлениями о солидарности с Циммервальдским большинством проводили политику участия в военно-промышленных комитетах. [2]

Устанавливая в конце 1914 г., когда Мартова еще только «поворачивали» от занятой им интернационалистской позиции, отмеченную здесь идейную связь между Плехановым, Потресовым и ОК, Ильич тогда же пришел к выводу, что ОК является не чем иным, как лишь «показным левым крылом» российского социал-шовинизма, а потому мысль об единстве с ним должна быть признана «вредной для рабочего дела иллюзией». [3]

4. Роль такого же «показного левого крыла» играла по сути дела и меньшевистская думская фракция с Чхеидзе во главе.

---

[1] См. письмо Мартова Аксельроду от 16 июня 1915 г. в цитированном уже не раз сборнике писем этих авторов, стр. 338.

[2] По отношению к этой группировке также вполне прав был Троцкий, когда летом 1916 года говорил, что «З. С. (заграничный секретариат ОК. *В. В.*) всячески охранял единство августовского блока, затушевывая насколько возможно его внутренние противоречия и тем упрочивая позиции социал-патриотов». К сожалению, Троцкий, во-первых, слишком поздно заговорил таким языком, а во-вторых, как мы увидим ниже, всем своим поведением объективно сам не мало поработал во время войны для упрочения социал-шовинизма

[3] Н. Ленин. «Что же дальше». Том XIII, стр. 35.

В начале войны, как известно, она вместе с большевистской думской фракцией голосовала против военных кредитов, а после Циммервальдской конференции заявила себя сторонницей большинства Циммервальда и вообще всегда считала себя стоящей на позиции интернационализма.

Она исключила даже из своей среды депутата Манькова, за то, что он, поддавшись развращающему влиянию проповеди патриотизма со стороны группы «Самозащита», голосовал в Думе за военные кредиты, но с самой этой группой, с которой она была связана долголетней совместной работой в период ликвидаторства, не порвала и даже никогда не выступала против нее.

Она не выступила также против участия в военно-промышленных комитетах и, наконец, выдвинула формулу «спасения страны от разгрома», являющуюся по сути дела лишь перефразировкой лозунга «самозащиты» или «обороны отечества».

В статье «Фракция Чхеидзе и ее роль» Ильич на основании анализа ее работы приходит к выводу:

«Одна партия — окистская, Чхеидзевская, Потресовская. В ней борются два крыла и соглашаются, заключают компромисс, остаются в одной партии». [1] Если мы вспомним теперь, что почти невозможно уловить оттенок различия между Потресовым и его «Самозащитой», с одной стороны, и Плехановым и его «Призывом», с другой, то, после всего сказанного о всех группировках августовского блока, нам станет вполне понятным второй эпиграф этой главы:

«Ни тени серьезного политического различия нет не только между ОК и фракцией Чхеидзе, но и между обоими этими учреждениями и „Рабочим Утром" или „Призывом"».[2]

---

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 461. Разрядка Ильича.

[2] Н. Ленин. «Есть ли своя линия у О. К. и у фракции Чхеидзе». Том XIII, стр. 228. Разрядка Ильича. «Рабочее Утро»—легальная

5. «,,Наше Слово'' и Троцкий,—писал т. Ленин в конце 1916 г. — браня нас за ,,фракционность'', под давлением фактов все больше приходили к борьбе против ОК и Чхеидзе; но нашесловцы именно только ,,под давлением'' (нашей критики и критики фактов) отступали с позиции на позицию, а решительного слова до сих пор не сказали. Единство или раскол с фракцией Чхеидзе — они все еще боятся додумать». [1]

Мы нарочно приводили в сносках характеристики каждой группировки августовского блока, данные Троцким в августе 1916 г. в статье «Группировки в российской социал-демократии».

В той же статье он дает оценку позиции фракции Чхеидзе как «не только бесформенной, но и двусмысленной», которая «чем дальше, тем больше грозит превратиться в парламентское прикрытие для военно-промышленной» кооперации пролетариата с либеральной буржуазией». [2]

Троцкий уже не причисляет в этой статье ни ОК ни фракцию Чхеидзе к интернационалистам; кроме его фракции «в лагере русских интернационалистов» оказываются лишь ленинцы, с которыми, несмотря на их «отрицательные черты», он признает «настоятельную необходимость координации действий».

Это, конечно, большой шаг вперед, особенно если вспомним, что раньше Троцкий считал абсолютно необходимым, во-первых, в интернационалистский блок включить ОК, а, во-вторых, подымать в Интернационале авторитет Чхеидзе и его фракции.

Но все же на вопрос: «единство или раскол с фракцией Чхеидзе», левые центристы к концу 1916 г. ответа не дали,

---

газета политически близкая к фракции Чхеидзе и выступавшая от имени всего августовского блока.

[1] Н. Ленин. Том XIII, стр. 465.

[2] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 195.

и лишь в 1917 г., когда война империалистическая стала превращаться в войну гражданскую и когда на опыте революции убедились в необходимости проводить ее против августовского блока в целом, они перешли все в ряды нашей партии.

Не нужно забывать, что группа левых центристов в большинстве своем сама была в свое время лишь крайней левой сначала «августовского», а затем «брюссельского» блока. Неудивительно, что отрыв ее от своих старых союзников происходил с таким трудом.

Взгляды лево-центристской группы по всем важнейшим вопросам войны мы изучили уже с достаточной полнотой в предыдущих разделах.

В следующей главе мы познакомимся с взглядами ее руководящей, т. е. троцкистской, части на характер и перспективы грядущей русской революции.

2. ПРОБЛЕМА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии».

Н. Ленин.

Большевистская постановка этой проблемы и ее решение даны в концентрированном виде в основном документе по этому вопросу в статье Ильича: «Несколько тезисов», помещенной в Центральном органе партии «Социал-Демократ», от 13 октября 1915 г.

Относительно самой постановки вопроса абсолютно необходимо иметь в виду следующее: вопрос ставится здесь совсем не с точки зрения перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а рассматривается лишь под углом зрения осуществления основного большевистского лозунга данного периода: именно, превра-

щения мировой империалистической войны в мировую гражданскую войну.

Поэтому здесь нет и вопроса о возможностях социалистического строительства в нашей стране. Отметим сейчас же, что и тогда, когда Ильич поставил этот вопрос через $1^1/_2$ года, в своем «Прощальном письме к швейцарским рабочим», перед отъездом в Россию, в конце марта 1917 г. по старому стилю, то и тогда Ильич ставил его не как особую проблему построения социализма в одной нашей стране, а как проблему непосредственно надвигавшейся мировой революции пролетариата.

Вот почему он ограничился лишь констатированием, что «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран», и что «непосредственно в ней не может победить тотчас социализм». [1] Подчеркнув слова: «непосредственно» и «тотчас», т. Ленин не останавливается дальше на этом вопросе. Нет никакого сомнения в том, что в то время и при тех условиях он считал вопрос о том, а не может ли в России социализм победить не «непосредственно» и не «тотчас», вопросом сугубо теоретическим и не актуальным.

Об этом лучше всего свидетельствует следующее место из его письма: «Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией». [2]

Даже тогда, когда вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую был поставлен во весь свой рост (в апрельских тезисах 1917 г. и после), даже тогда, когда это перерастание стало совершившимся фактом, вопрос о строительстве социализма в одной нашей стране, при сохранении капитализма в других

---

[1] Н. Ленин. Том XIV, ч. II, стр. 407.
[2] Там же, стр. 408.

странах, не стал еще актуальнейшим вопросом, ибо победа пролетариата, по крайней мере, в некоторых передовых странах Европы, и, следовательно, поддержка со стороны их высоко развитой экономики, ожидалась в самом ближайшем будущем, измеряемом месяцами самое большее.

И лишь когда выяснилось, что мировой капитализм устоял перед первым натиском мирового пролетариата (а выясниться это могло лишь на опыте непосредственной борьбы; это собственно и говорил пример Ильича с японским генералом Ноги [1]), тогда и только тогда проблема возможности и способов построения социализма в нашей изолированной стране встала как проблема актуальнейшая и получила свое гениальное разрешение в идее нэпа. Вспомним, что писал Ильич в начале 1923 г. в статье «О нашей революции».

«Помнится, Наполеон писал: „On s'engage et puis on voit". В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет". Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 г. в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир, или нэп и т. п.». [2]

Это довольно длинное отступление от непосредственной темы мы сочли необходимым сделать, во-первых, потому, что сторонники теории невозможности построения социализма в нашей стране любят ссылаться на упомянутые здесь статьи Ильича периода войны, якобы подтверждающие их взгляды, [3] а, во-вторых, для того, чтобы читатель не был смущен тем, что в разбираемых тезисах ничего не гово-

---

[1] Более подробно этот вопрос освещен мною в моих лекциях по истории ВКП(б) пооктябрьского периода, печатавшихся в журнале «Коммунистический университет на дому», второй год обучения, изд. «Прибой», см. № 8 (20).

[2] Н. Ленин. Том XVIII, ч. II, стр. 120.

[3] См. Г. Зиновьев. «Ленинизм», стр. 84 и следующие.

рится о беднейшем крестьянстве, как союзнике пролетариата в социалистической революции.

Вопрос о русской революции ставится не в плоскости перерастания ее внутри страны, а в плоскости ее перехода в мировую гражданскую войну. [1]

Наиболее важными по широте своего охвата проблемы, являются тезисы 5 и 6. [2]

«Революция не может победить в России, — читаем мы в тезисе 5, не свергнув монархии и крепостников помещиков». Это значит, что на первом своем этапе революция будет буржуазно-демократической.

«А свергнуть их, — читаем дальше, — нельзя без поддержки пролетариата крестьянством».

«Иначе говоря, здесь дана та же большевистская оценка характера предстоящей революции и ее движущих сил, что и в 1905 г. Специально для того, чтобы отметить, что тезисы не упускают из виду шага вперед в расслоении деревни под влиянием Столыпинской аграрной политики, подчеркивается, что это расслоение не уничтожило антагонизма между крестьянством в целом и помещиками». [3]

Из этой оценки характера и движущих сил нараставшей революции вытекало, что и важнейший тактический лозунг большевиков 1905 г.: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, остается в силе.

---

[1] Это с особенной ясностью следует из недавно опубликованной статьи Ильича «Поражение России и революционный кризис», написанной им одновременно со статьей «Несколько тезисов». «Буржуазно-демократическая революция в России, — читаем мы в этой статье, — теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе».

И несколько ниже: «Жизнь и д е т через поражение России к революции в ней, а через эту революцию, в связи с ней, к гражданской войне в Европе». «Правда», № 260, от 7 ноября 1928 г.

[2] Н. Ленин. Том XIII, стр. 208.

[3] Как известно, бывший большевик, историк Н. Рожков, скатился к ликвидаторству перед войной как раз вследствие переоценки результатов реформы Столыпина, придя к заключению, что деревня в целом уже не противостоит более классу помещиков.

5-й тезис формулирует это следующим образом:

«Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Тезис 6 гласит:

«Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелко-буржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран». (Разрядка Ильича.)

Это означает, во-первых, что Россия не может перескочить через первую задачу, т. е. через фазу буржуазно-демократической революции, проводимой пролетариатом в союзе со всем крестьянством в целом, даже, если пролетарская революция в Европе начнется раньше, чем революция в России: а, во-вторых, исходя из всех имевшихся в то время признаков, что в России раньше других стран вспыхнет революция, тезисы подчиняют всецело особую задачу доведения до конца буржуазно-демократической революции основной задаче эпохи международной пролетарской революции, в которой российский пролетариат не может уже участвовать в союзе со всем крестьянством.

Тезисы дальше этого общего указания на изменение соотношения классовых сил в России не идут, имея в виду, как говорится в начале тезисов, лишь «злободневные вопросы социал-демократической работы».

Поэтому они ограничиваются лишь указанием общего направления развития революции к международной гражданской войне. Теоретический же вопрос о движущих силах российской социалистической революции разрешен

был еще в 1905 г. указанием на то, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую сопровождается изменением соотношения классовых сил в том смысле, что пролетариат от союза со всем крестьянством и на основе этого союза переходит постепенно (в этом и состоит процесс перерастания) к союзу лишь с беднейшей его частью, удерживая середняка на позиции нейтралитета и отбрасывая кулаков в лагерь контр-революции.

Все остальные тезисы (их всего 11) являются по сути дела производными от этих двух и трактуют более частные вопросы.

Так, следующие три тезиса (7, 8 и 9) трактуют о революционном шовинизме, классовой основой которого является мелкая буржуазия.

«Революционными шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией», говорит 8 тезис. Под рубрику революционных шовинистов этот тезис подводит трудовиков, эсеров и весь «августовский блок» от Плеханова до ОК и фракции Чхеидзе включительно. [1]

Если бы эти политические партии пришли в известный период развития революции к власти, то они повели бы по-

---

[1] Наиболее «левый» представитель «августовского блока» Мартов (мы не говорим о Троцком, как вышедшем из «блока» неформально еще до войны и открыто заявившем об этом во время войны: известен его протест против речи Ларина на съезде шведской соц.-дем. партии в ноябре 1914 г., в которой Ларин в числе вождей «августовского блока» назвал Плеханова, Аксельрода и Троцкого: «Я не несу,—заявил Троцкий в своем протесте, — за О. К. большей ответственности, чем за любую другую часть нашей партии») писал в сборнике «Интернационал и война» в конце 1915 г.:

«Само собой разумеется, что, если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, характер войны коренным образом изменился бы».

После свержения самодержавия, при республике князя Львова, Керенского, Церетели и Чернова, большевики, как известно, энергично разоблачали этот обман, будто характер войны «коренным образом изменился», будто война ведется для защиты революции от германского империализма.

литику продолжения войны; при такой политике невозможно ни доведение до конца буржуазно-демократической революции в России, ни превращение ее в мировую социалистическую революцию.

Отсюда — 7 тезис, говорящий о недопустимости для представителей революционной партии пролетариата участия во временном революционном правительстве вместе с революционерами-шовинистами. Это — весьма важное, вызванное условиями эпохи дополнение к тому положению большевистской тактики 1905 г., которое говорило о возможности участия большевиков в революционном временном правительстве совместно с эсерами и меньшевиками.

Отсюда также — тезис 9 о том, что при революционных шовинистах у власти мы будем «против обороны их „отечества" в данной войне», мы будем «против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции».

Связанное с войной разорение и неимоверно тяжелое материальное положение мелкой буржуазии могут толкнуть ее «в решающие моменты» сильно влево (или, как говорит в другом месте Ильич, могут так «накалить почву под ногами мелкой буржуазии», что она бросится в объятия пролетариата), могут, следовательно, до крайней степени ослабить ее шовинизм (например, «левые эсеры» в первый период Октябрьской революции); при таких условиях, — говорит 10 тезис, возможна «руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции». [1]

И задача партии пролетариата, если бы «революция поставила ее у власти в теперешней войне», состояла бы,

---

[1] «Пролетариат выполнит свою задачу лишь тогда, если он сумеет итти к своей великой цели не колеблясь, толкая вперед мелкую буржуазию, предоставляя ей учиться на своих ошибках, когда она качается вправо, утилизируя все ее силы для напора, когда жизнь заставляет ее итти влево». (Н. Ленин. «Поражение России и революционный кризис», «Правда», № 260 от 7 ноября 1928 г.)

провозглашает тезис 11, не только в проведении «полностью» и «самым решительными мерами» нашей программы-минимум, но и в способствовании всеми средствами (организация восстаний пролетариата в странах Европы, организация восстаний в колониях, революционная война против буржуазных стран и т. п.) развитию «революции и в Азии и в Европе».

Первые четыре тезиса посвящены наиболее злободневным вопросам тактики переживаемого тогда предреволюционного периода и уточнению лозунгов.

1 тезис выясняет вопрос, почему после опыта 1905 г. нужно признать неверным самостоятельный лозунг «учредительного собрания», который лучше всего заменить «тремя китами», т. е. лозунгами «демократической республики», «конфискации помещичьей земли» и «8-часового дня», «с добавлением призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны».

Опыт 1905 г. показал, что даже либералы принимали лозунг «учредительного собрания», истолковывая его по-своему, «в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания». К чисто кадетскому пониманию этого лозунга скатились и меньшевики, когда еще в 1905 г. на своей Женевской конференции заявили, что возможна «решительная победа над царизмом» без вооруженного свержения его, а путем созыва учредительного собрания по инициативе какого-либо представительного учреждения. В 1906 г., после разгрома 1-ой Думы, они, как известно, выставили даже лозунг: «За Думу как за орган, созывающий учредительное собрание».

Меж тем как в вопросе об учредительном собрании важно именно то, кто его созовет: чтобы такое собрание было учредительным не только по названию, а имело бы действительную силу учредить демократическую республику, оно

должно явиться результатом победоносного вооруженного восстания. А этого-то и не выражает теперь извращенный меньшевиками и кадетами лозунг «учредительного собрания», из которого они выхолостили его революционное содержание.

2 тезис говорит о необходимости вести борьбу «против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну». И тут же рядом напоминается о том, что «о бойкоте Государственной думы не может быть и речи», и что «участие в перевыборах безусловно необходимо», т. е. дается предостережение от ультра-левых глупостей отказа использования даже самого реакционного парламента.

В 3 тезисе, в качестве «важнейшей задачи», выставляется развитие «стачечного движения, проводить которое необходимо под лозунгом «трех китов».

И, наконец, 4 тезис напоминает большевистское понимание роли и значения Советов, как орган восстания и революционной власти.

Таким образом, из этих тезисов мы видим, что большевики намечали ту же линию первого этапа революции, что и в 1905 г., т. е. линию союза пролетариата с крестьянством, линию борьбы с либеральной буржуазией за влияние на крестьянские массы.

Но и меньшевики остались верны своей линии союза с либеральной буржуазией, всемерной поддержки ее или, как они выражались, линии «координации» действий с нею в борьбе с царизмом, дополняя ее теперь «координацией» действий для «обороны» страны.

В том же октябре 1915 г., т. е. одновременно с тезисами Ильича, выступил Плеханов со своей статьей «Две линии».

В этой статье он ополчается против «крайних партий» за их стремление «дискредитировать конституционалистов в глазах трудящейся массы», за их непонимание, что для

победы революции необходимо, чтобы она развивалась, подобно Великой французской революции, по восходящей линии, приводя к власти различные партии в следующей последовательности: сначала конституционалистов (т. е. «левых октябристов», прогрессистов и кадетов), затем трудовиков и, наконец, «самые крайние левые» партии . . .

Дискредитирование и, следовательно, обессиливание этих промежуточных классов и партий лишением их необходимой опоры в народных массах, приведет к тому, что наша революция пойдет, по примеру французской революции 1848 г., по нисходящей линии, при которой власть, попав преждевременно в руки наиболее крайних элементов, будет последовательно переходить ко все более и более правым партиям: трудовикам, кадетам, правым октябристам и, наконец, консерваторам и реакционерам.

И в конце статьи Плеханов выражает надежду, что «наши передовые элементы еще могут усвоить себе правильные стратегические понятия» и «перестать вредить своему собственному делу», поняв, что так называемая «ответственная оппозиция» «делает очень полезное, даже прямо необходимое дело». [1]

Разбирая эту статью Плеханова, Ильич правильно усматривает в ней лишь обычное скатывание меньшевиков на линию либеральной буржуазии и отмечает их развращающее влияние на пролетариат «приспособлением его движения к либералам». [2]

Очень недурной иллюстрацией такого развращающего влияния меньшевистской линии революции служат писания меньшевиков из «Самозащиты». Участие пролетариата в военно-промышленных комитетах открывало, видите ли, «рабочим богатую почву не только для их независи-

---

[1] Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма», стр. 3 — 11.
[2] Н. Ленин. «О двух линиях революции», Том XIII, стр. 212.

мог о вмешательства в чрезвычайно важное дело (общественной и технической) организации обороны страны, но вместе с тем, и для координации своих усилий с самыми различными слоями оппозиции». А окончательный вывод из статьи гласит: так как вследствие своей нерешительности и непоследовательности российская буржуазия оказалась «в тупике», то «рабочая демократия — и это в ее интересах, ибо это в интересах обороны страны — должна вывести буржуазную оппозицию из этого положения». [1]

А вот еще выдержка из резолюции о текущем моменте Совещания рабочей делегации на 2-м съезде (февраль 1916 г.) военно-промышленных комитетов, в которой сконцентрирована вся меньшевистская философия российской революции: «мобилизуя и организуя свои силы вокруг этого нарастающего столкновения буржуазной России с Россией бюрократической (вот в чем видит весь смысл революции российский меньшевизм. *В. В.*), рабочий класс должен направлять все свои усилия для того, чтобы углубить и расширить это столкновение и побудить прогрессивную часть Думы и буржуазное общество встать на путь решительной борьбы за власть». (Как видим в 1916 г., также как и в 1905 г., меньшевизм сводит роль участия пролетариата в революции к роли толкача буржуазии в ее борьбе за власть).

Остался на старых позициях 1905 г. и троцкизм.

Отмечая вполне правильно, что «непонятное на первый взгляд сочетание Циммервальда с гвоздевщиной» со стороны ОК и шедшей под его флагом петербургской инициативной группы легко объясняется тем, что ОК по заявлению его «Известий» № 5, кладет в основу своей тактики принцип координации политических действий «пролетариата и либеральной буржуазии» (это объяснение страдает, конечно,

[1] Евг. Маевский. «Цензовая Россия и демократия», в сб. «Самозащита», стр. 105 и 107. Разрядка моя. *В. В.*

той неполнотой, что замазывает шовинизм самого ОК), Троцкий выступает против такой координации, не считая, как и в 1905 г., либеральную буржуазию движущей силой революции.

«Полагать в основу своей тактики, — пишет он, — координацию действий с империалистской и по существу антиреволюционной буржуазией значит отказываться не только от интернационализма, но и от русской революции».

«Но, — добавляет сейчас же Троцкий, — если русский пролетариат „один" не может одолеть царизма, то это может для нас значить лишь: один — без европейского пролетариата, а не без русской буржуазии. Несомненно, что русская революция может быть «доведена до конца» только в связи с победоносной пролетарской революцией в Европе».[1]

Это значит, что Троцкий сохранил свой взгляд 1905 г., недооценивающий значение русского крестьянства как союзника пролетариата в борьбе с царизмом.

Как в начале революции 1905 г. он писал, что «революционной роли, сколько-нибудь равносильной роли пролетариата, не сыграет ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция», так и теперь он повторяет, что в 1905 г. «социальный вес и политическое значение мелкой буржуазии представляли собой незначительную величину». Что же касается новой приближающейся революции, то, по мнению Троцкого, «сейчас менее, чем в 1905 г., можно надеяться на самостоятельную, а тем более решающую роль крестьянства в развитии революционных событий».[3]

И теперь, накануне революции 1917 г. он так же, как и в начале революции 1905 г., ставит на одну доску роль

---

[1] Л. Троцкий. «Война и революция», том II, стр. 190. Разрядка Троцкого.

[2] «Канун революции», Изд. Петр. ком. соц.-дем. меньш.-обор. Петроград, 1918 г., стр. 37 — 38.

[3] Л. Троцкий. «Война и революция», том I, стр. 147 и 248.

и значение крестьянства с ролью и значением интеллигенции и мелкой городской буржуазии, вопрошая:

«Ставим ли мы развитие русской революции — а, значит, практически движение русского пролетариата — в зависимость от революционного движения, русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства? Или же мы . . . российскую революцию ставим в зависимость от пролетарской борьбы во всем мире? Словом: держим ли мы основной курс всей нашей политики на национальную буржуазную революцию или интернациональную революцию пролетариата»? [1]

Вопрос поставлен совершенно неправильно: нельзя противопоставлять курс на международную революцию пролетариата курсу на доведение российской буржуазно-демократической революции до конца в союзе с крестьянством. Теория и практика большевизма доказали, что эти две задачи не только совместимы, но и что вторая задача является для российского пролетариата предварительным условием для непосредственных шагов к разрешению первой. Для Троцкого же приемлем лишь курс на международную революцию, без победы которой невозможно даже доведение до конца борьбы с царизмом, ибо пролетариат в этой борьбе одинок и не сможет удержать в своих руках власть, если даже ему и удастся ее захватить.

Переход власти от царизма сначала к союзу пролетариата и крестьянства, т. е. революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий считал «утопией» в силу непримиримого противоречия интересов этих классов.

Иначе говоря, он вновь извлек на свет божий свою теорию «перманентной» революции.

Т. Ленин, указывая на эту старую ошибку Троцкого, отмечает, что «Троцкий на деле помогает либеральным ра-

[1] Л. Троцкий, «Война и революция», том I, стр. 251 — 252.

бочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию».

Вообще задачу выяснения «соотношения классов в предстоящей революции», по мнению Ильича, «неправильно решает в „Нашем слове" Троцкий, повторяющий свою „оригинальную" теорию 1905 г. (теорию «перманентной революции». *В. В.*) и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории».[1]

3. РАЗНОГЛАСИЯ СРЕДИ БОЛЬШЕВИКОВ И БОРЬБА С ЛЕВЫМИ УКЛОНАМИ.

> ... «на очереди дня теперь не только продолжение линии, ... но и очистка ее от назревших нелепостей и путаницы отрицания демократии (сюда относится разоружение, отрицание самоопределения, теоретически неверное отрицание «вообще» защиты отечества, шатания в вопросе о роли и значении государства вообще и пр.).»
>
> Н. Ленин.

Взятая в качестве эпиграфа к этой главе выдержка из письма Ильича к т. Шляпникову (в сентябре 1916 г.) свидетельствует о том, что тактическая линия большевиков подвергалась искажению со стороны части ее сторонников, как внутри нашей партии, так и внутри всей «циммервальдской левой».

И хотя в период войны не создалось какого-либо оформленного течения, которое можно было бы охарактеризовать как «ультра-левое крыло» партии или зарождавшегося III Интернационала, но все же уклоны были достаточно

[1] Н. Ленин. «О двух линиях революции», Том XIII, стр. 123 и 214.

серьезны для того, чтобы т. Ленин счел необходимым решительно выступить против них.

Некоторые разногласия выявились уже на Бернской конференции заграничных секций (конец февраля — начало марта 1915 г.), где в качестве оппозиционера выступил представитель божийской группы, т. Бухарин.

Разногласия не были глубоки, и резолюция Бернской конференции была принята в конце концов единогласно членами специально выбранной для редактирования резолюции комиссии, в которую входил и т. Бухарин.

В своем содокладе на пленуме конференции т. Бухарин обнаружил некоторый лево-центристский уклон: вполне солидаризуясь с лозунгом гражданской войны, он выступал против лозунга «поражения» в защиту лозунга мира. Это сближало позицию т. Бухарина с позицией троцкизма, хотя он и не был склонен к сближению с Троцким и осуждал за попытки такого сближения Пятакова, с которым у него вскоре оказалось много точек соприкосновения. [1]

---

[1] См. об этом в томе I «Очерков по истории Октябрьской революции», под общей редакцией М. Н. Покровского, в статье т. Д. Баевского: «Партия в годы империалистической войны», стр. 444. Там же более подробные сведения о Бернской конференции, а также см. «Записки Института Ленина», II, статьи т. Карпинского, стр. 73 — 74, и т. Харитонова, стр. 119 — 120, и статью Шкловского о Бернской конференции в «Большой советской энциклопедии», т. 5.

На Бернской конференции были представлены секции Бернская, Цюрихская, Лозаннская, Женевская, Божийская, Парижская и Лондонская. К концу ее прибыли так называемые «японцы», т. е. тт. Пятаков и Е. Бош, бежавшие из ссылки через Японию.

Т. Бухарин выступал с содокладом от своего имени, а не от божийской группы, которую он представлял и в которую, кроме него, входили Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович.

Т. Бухарин лишь за 2 года до войны, когда ему было всего 24 года, впервые встретился с Ильичом, после чего виделся с ним до войны всего лишь два раза; вскоре после Бернской конференции он переселился в Стокгольм, а затем в Нью-Иорк.

Таким образом, развитие взглядов молодого Бухарина в необычайно сложный период истории шло почти без непосредственного влияния Владимира Ильича, что и послужило причиной засорения его марксистского мировоззрения некоторой дозой чуждых влияний,

С переездом вскоре после Бернской конференции в Стокгольм группа тт. Бухарина, Пятакова и Бош, служившая передаточным звеном между ЦК и организациями в России, внесла предложение об утверждении ее в правах «особой комиссии» при ЦК, совершенно автономной от Стокгольмской большевистской секции.

ЦК согласился на такое утверждение, но без права вести переписку с Россией от имени группы и с условием пересылки ему на просмотр посылаемых в Россию материалов и передачи ему всех связей с Россией.

Группа не приняла этих условий и постановила себя распустить в виду «явно недоверчивого отношения» со стороны ЦК и «невозможности руководствоваться» предложенным ЦК уставом. [1]

Конечно, за оболочкой организационных пререканий скрывались теоретические расхождения по ряду вопросов.

В основе уклонов этой группы, а также некоторых других членов «циммервальдской левой» (Радек, Роза Люксембург), лежало неправильное понимание «отношения социализма к демократии».

Ильич окрестил совокупность взглядов перечисленных товарищей именем «империалистического экономизма».

«Капитализм победил, — поэтому не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894 — 1901 гг., доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил, — поэтому не нужно думать о вопросах политической демократии,

---

главным образом, троцкизма, от которого он избавился лишь путем ряда ошибочных выступлений как в эпоху войны, так и в послеоктябрьский период вплоть до профсоюзной дискуссии 1920 — 1921 г. включительно. В течение этих 6 лет, каждый раз, как ему приходилось выступать против Ильича, он вскоре на опыте убеждался в ошибочности своей позиции и открыто признавал свои ошибки. С биографией т. Бухарина знакомит нас статья т. Марецкого в т. 8 «Большой советской энциклопедии».

[1] См. цитированную уже статью т. Баевского, стр. 445 — 448.

рассуждают современные «империалистические экономисты». [1]

Отсюда их вывод о ненужности для нашей партии в эпоху империализма программы-минимум, как трактующей именно о вопросах политической демократии в буржуазном государстве.

Как известно, спор о программе-минимум возникал не раз в нашей партии, при чем главным противником Ильича выступал всегда т. Бухарин, «который — по выражению т. Ленина — „на ефтом самом месте" спотыкался у нас с 1915 г.». [2]

Основным возражением против программы-минимум служил довод о неосуществимости демократических требований при империализме.

Этот излюбленный довод П. Киевского (Ю. Пятакова) является ошибочным выводом из правильного положения, что «империализм противоречит, «логически» противоречит всей вообще политической демократии», что как капитализму «свободной конкуренции соответствует демократия», так монополистическому капитализму «соответствует политическая реакция».

Но это значит лишь, что империализм, являясь отрицанием демократии, не может не стремиться к ее нарушению и не противиться ее расширению.

Говорить об экономической невозможности совместить империализм с демократией неправильно. Капитализм всегда совмещался с демократией лишь путем подкупа (прямого или через биржу), что было выяснено еще Энгельсом.

---

[1] Н. Ленин. «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Том XIII, стр. 339 — 340 и 385. Разрядка т. Ленина.

[2] См. письмо Владимира Ильича к т. А. Коллонтай от 17 февраля 1917 г. Ленинский сборник II, стр. 282. О разногласиях по вопросу о программе-минимум см. В. Волосевич. Лекции по истории ВКП (б). «Коммун. университет на дому» № 9 (21).

При империализме возможности подкупа со стороны буржуазии возросли в гигантских размерах.

Демократия при империализме не неосуществима экономически, а стала лишь неизмеримо труднее осуществимой политически. Следовательно, правильным выводом из правильного экономического анализа империализма будет то положение, которое гласит: «все требования демократии «неосуществимы» без ряда революций». [1]

Неверна также и другая половина формулы противников программы-минимум: демократические требования при империализме не возможны, при социализме излишни.

«Социализм, — писал по этому поводу Ильич, — невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; 2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отрицанию государства без осуществления полностью демократии». [2]

Здесь мы подходим к тем шатаниям в вопросе о роли и значении государства вообще, о которых говорит Ильич в приведенной в качестве эпиграфа данной главы цитате из письма к Шляпникову.

Такая путаница отмечалась т. Лениным, во-первых, у Киевского (Пятакова), который находил возможным говорить о демократизме социалистического строя, упуская из виду, что «демократия есть тоже господство «одной ча-

---

[1] Н. Ленин. «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Том XIII, стр. 351 — 358.

[2] Там же, стр. 384. Читателю ясно, конечно, что «осуществление полностью демократии» не означает ни отрицания диктатуры пролетариата ни отрицания необходимости целого ряда ограничений демократии в начале периода диктатуры; оно означает лишь, что отмирать государство начнет лишь по осуществлении полностью демократии, по своем превращении в пролетарское демократическое государство.

сти населения над другой», есть тоже государство», [1] а, во-вторых, у Бухарина, который под псевдонимом Nota-Bene в швейцарском журнале социалистической молодежи писал, что «совершенно ошибочно искать различие между социалистами и анархистами в том, что первые — сторонники, вторые — противники государства» . . . и что «для социал-демократии . . . необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству».

Ильич по поводу этой статьи т. Бухарина отмечал, что в ней нет «ясности» по вопросу о нашей «принципиальной враждебности к государству», которая, как известно, тоже принципиально противоположна враждебности к государству со стороны анархистов.

Сведя вопрос о различии между социалистами и анархистами к различию в понимании хозяйственной организации будущего общества, т. Бухарин затушевал этим «главное в различии отношения социалистов и анархистов к государству», а именно то, что «социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму» («такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата»), а «анархисты хотят „отменить" государство, „взорвать" его» (социалисты же «признают отмирание, „постепенное" „засыпание" государства после экспроприации буржуазии»). [2]

---

[1] Там же, стр. 368. Разрядка Ильича.

[2] Н. Ленин. «Интернационал Молодежи» (заметка). Том XIII, стр 460—461. Разрядка Ильича. Т. Бухарин в сборнике I «Революции права» за 1925 г., говорит, что эта статья Ильича была вызвана неправильным толкованием его взглядов, происшедшим вследствие того, что он недостаточно развил тему о диктатуре пролетариата; возможно это и так: ведь Ильич его упрекает лишь в неясности, приписывая, правда, неясность изложения неясности понимания.

Но мы никак не можем согласиться, что «из заметки Ильича

Все то же неправильное понимание «отношения социализма к демократии», приведшее некоторых товарищей к отрицанию необходимости программы-минимум, лежало также в основе целого ряда «левых» ошибок и по отдельным вопросам программы демократических требований, главным образом по пункту о «всеобщем вооружении народа», о «праве наций на самоопределение» и по связанному с требованием самоопределения вопросу о «защите отечества».

Но кроме неправильного понимания отношения социализма к демократическим требованиям в основе уклонов по перечисленным здесь вопросам лежала также ошибка отрицания возможности национальных войн в эпоху империализма, являвшаяся следствием свойственного всем «левым» стремления заменять анализ каждого конкретного явления выводами из общей оценки всей эпохи империализма.

Из того правильного положения, что война, начавшаяся в 1914 г., была порождена «условиями эпохи» империализма и была войной империалистической, делался вывод, что в эпоху империализма не может быть войн национальных, т. е. войн, в которых действительно заинтересован народ.

А если возможны лишь империалистические, реакционные войны, то, следовательно, оружие народу не нужно и программный пункт о «всеобщем вооружении народа» должен быть заменен требованием разоружения.

Но, не говоря уж об ошибочности исходного пункта лозунга «разоружения», этот лозунг свидетельствует о том,

---

видно, что он тогда неправильно относился к положению о взрыве государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата».

Мы нарочно привели в тексте все сказанное т. Лениным в его статье о различии взглядов между социалистами и анархистами по отношению к государству и думаем, что здесь нет никакого смешения вопроса о взрыве буржуазного государства, которым анархисты хотят покончить со всяким государством вообще, с вопросом о постепенном отмирании государства, созданного пролетариатом после низвержения буржуазии и «взрыва» ее государственной машины.

как легко с «ультра-левых» позиций скатиться к явному оппортунизму.

Как из того, что нашим идеалом является общество без классов и классовой борьбы, без государственного принуждения и без всякого насилия, нельзя делать вывод, не впадая в оппортунизм, что мы должны сейчас отказаться от классовой борьбы и от применения какого-либо насилия, так и из признания разоружения идеалом социализма можно выводить требование разоружения в настоящий момент, лишь забыв, что осуществление социализма невозможно «помимо социалистической революции и диктатуры пролетариата».

Требование разоружения, писал по этому поводу Ильич, «равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции . . .

Лишь после того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но — только тогда, никоим образом не раньше».[1]

Отрицание возможности национально-освободительных войн в эпоху империализма привело «левых» и, в частности Пятакова, к оппортунистическому перегибу палки в вопросе о «защите отечества»: Пятаков называл этот лозунг «предательским» во всякой войне, не анализируя смысла его.

«Что такое „защита отечества", вообще говоря? — спрашивал Ильич. — Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет. Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее оправда-

[1] Н. Ленин. «О лозунге «разоружения». Том XIII, стр. 451. Разрядка Ильича.

ние войны. Ничего больше, ровнехонько ничего. „Предательского“ тут может быть только то, что обыватели способны всякую войну оправдать, говоря: „мы защищаем отечество“». [1]

Весь вопрос, следовательно, в характере данной войны. Война, например, Индии против Англии, была бы действительно национальной, прогрессивной, освободительной войной и лозунг «защиты отечества» со стороны Индии был бы правильным, так как он выражал бы оправдание такой войны.

Такая война «возможна и теперь», напоминал Ильич. «„Защита отечества“, — добавлял он, — со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против „защиты отечества“ в такой войне». [2]

Пятаков считал, что лозунг «защиты отечества» вытекает «с полнейшей логической правильностью» из признания права наций на самоопределение, и недоумевал, как это можно быть «одновременно против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него».

Недоумение Пятакова объясняется исключительно его неправильным, заимствованным у социал-шовинистов, пониманием связи между признанием права самоопределения наций и лозунгом «защиты отечества».

Плеханов, например, действительно обосновывал лозунг «обороны» со стороны государств Антанты постановлением Копенгагенского конгресса II Интернационала (1910 г.) «о праве народа на самооборону», [3] и призывал дать «беспощадный отпор» тем, «которые нарушают священное

---

[1] Н. Ленин. «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Том XIII, стр. 343 — 344. Разрядка Ильича.

[2] Там же, стр. 345. Разрядка т. Ленина.

[3] Г. В. Плеханов. «Интернационалисты, да только с другой стороны», в сборнике его статей «Вопросы войны и социализма». Изд. «Огни», 1917 г., стр. 62.

в глазах каждого сознательного пролетария право самоопределения народов». [1]

Пятаков не заметил явной передержки, совершаемой социал-патриотами в целях обмануть пролетариат своей страны.

Именно потому война и была империалистической, что вопрос в ней шел о том, кому грабить колонии и уже находящиеся под чьим-либо гнетом зависимые страны, а вовсе не о том, чтобы установить чуже-национальный гнет, скажем, Германии над Англией или наоборот.

Ведь характер войны лучше всего познается изучением политики воюющих стран в довоенный период. Ни о каком национально-освободительном движении ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии не было речи и быть не могло.

Другое дело Индия или Китай: их война против империалистических стран была бы, действительно, продолжением национально-освободительной политики мирного времени, и совершенно правильно, что для них лозунг «защиты отечества», как оправдание войны, являлся бы прямым следствием признания их права на самоопределение.

Ведь не надо забывать, что признание права на самоопределение не чего другого не означает, как признание права за каждой нацией на самостоятельное государственное существование. [2]

Но об угрозе самостоятельного государственного существования для Англии, Франции, Германии или России не могло быть и речи в войне 1914 — 1918 гг.

Трудно себе представить что-либо более варварское, чем так называемый Версальский мир, и все же Германия сохранила свое самостоятельное государственное существование.

Отрицание возможности национальных войн в эпоху

---

[1] Г. В. Плеханов. «Наша позиция», в том же сборнике, стр. 74.

[2] Об этом подробнее см. мою лекцию в № 9 (21) «Коммунист. унив. на дому».

империализма и отрицание права наций на самоопределение не могли не привести «левых» в «нелепому и прямо реакционному равнодушию к национальным движениям».

Так, Карл Радек в полном согласии, как это отметил тогда же Ильич, с либералом А. Кулишером из кадетской газеты «Речь», назвал Ирландское восстание 1916 г. «путшем», как будто оно было, действительно, делом кучки заговорщиков, не имеющих симпатий в массах, а не одним из проявлений многовекового национального движения.

Эту статью Радека Ильич охарактеризовал как «неприличное педантство и неумное доктринерство», [1] ибо автор ее не понял ни того, что неуспех восстания был обусловлен его несвоевременностью, ни того, что такие несвоевременные восстания неизбежны: «думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции». [2]

---

[1] Из письма т. Ленина к А. Коллантай в Ленинск. сборнике II, стр. 173.

[2] Н. Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». Том XIII, стр. 430 — 431. Разрядка Ильича.

Те же мысли о невозможности национально-освободительных войн в эпоху империализма, о защите отечества и колониальных восстаниях развивали «впередовцы», считавшие себя, как известно, «левыми» большевиками. Вот что, например, мы читаем в № 6 их органа «Вперед» в статье В. Полянского:

«Национальные освободительные войны в империалистическую эпоху невозможны. Колониальные восстания за независимость не гарантируют политических свобод в борьбе с буржуазией. Следовательно, говорить о какой-либо защите отечества в нашу эпоху значит вторить буржуазным идеологам». (Цитирую по статье Б. Баевского, стр. 437.)

Значение признания права наций на самоопределение для интернационального объединения народов очень четко выражено Владимиром Ильичом в недавно лишь опубликованной его статье 1915 г.

На примере «левых» уклонов большевиков периода войны лишний раз подтверждается та истина, что отклонения как «влево», так и «вправо» от марксистской линии ведут в одну общую яму оппортунизма и ренегатства.

4. СОСТОЯНИЕ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ РАБОТА.

> ..., «работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем. «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии».
>
> (Из письма Н. Ленина в начале войны.)

С самого начала войны партийный аппарат, казалось, был совершенно разрушен, как неимоверным усилением общих репрессий в стране, мобилизацией, разрывом связей с заграничным центром, так и специальными мерами, направленными правительством на разгром подполья: массовыми арестами, ссылкой в Сибирь, высылкой или перемещением из одного города в другой всех заподозренных в сочувствии большевизму рабочих.

Партия сразу лишилась легальной печати и возможности работать в легальных рабочих организациях вследствие их разгрома.

Из «легальных возможностей» в течение первых трех месяцев оставалась открытой для использования лишь

против Радека, объявлявшего, под псевдонимом Парабеллум, «иллюзорной» «борьбу за несуществующее право на самоопределение»: «Мы требуем, — читаем мы в статье Ильича, — свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств; а наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения». (Ленинск. сборн. VI, стр. 21. Разрядка Ильича.)

Дума, в которой наша фракция, состоявшая, как известно, из 5 членов, мужественно боролась против возбуждения в стране дикого шовинизма, разоблачая истинный характер войны и грабительские аппетиты правительства и буржуазии.

Но деятельность нашей думской фракции была непродолжительна: в начале ноября она вся была захвачена полицией на одном из совещаний, созванном для обсуждения присланных Ильичом тезисов и текста манифеста ЦК; на этом совещании (в Озерках под Ленинградом, 4 - 5 ноября 1914 г.) присутствовали также представитель ЦК, т. Каменев, и 5 делегатов от рабочих Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и Ленинграда.

По поводу суда над нашей фракцией, т. Ленин, отметив, с одной стороны, неправильность и недопустимость приема защиты т. Каменева, старавшегося доказать свою солидарность с социал-патриотами и свое несогласие с ЦК, и оттенив, с другой стороны, мужественное поведение рабочих депутатов, особенно тт. Муравьева и Петровского, писал: «Около 40 000 рабочих покупали «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и анти-шовинизмом». [1]

Жизнь показала, что Владимир Ильич был безусловно прав, возлагая такие надежды на воспитанный «Правдой» революционный слой российского пролетариата: несмотря на то, что работа стала «в 100 раз труднее», он вынес на своих плечах всю тяжесть ее.

Еще до получения тезисов и Манифеста, большевики, работавшие в России, заняли вполне определенную, ярко отрицательную позицию по отношению к войне.

---

[1] Н. Ленин. «Что показал суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией». Том XIII, стр. 57, Разрядка Ильича.

Об этом свидетельствует ряд довольно многочисленных прокламаций целого ряда городов за период с июля по октябрь 1914 г. На основании этих прокламаций и других источников осведомления департамент полиции в одном из своих обзоров отмечает:

«Ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губ., Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков». [1]

Правда, записка московского охранного отделения, цитируемая т. Ем. Ярославским в его книге по истории ВКП(б) говорит как будто диаметрально противоположное, а именно: «Война застала ленинцев врасплох, и они долгое время благодаря прерванным связям с заграницей не могли столковаться о своем отношении к войне и только за последнее время (записка помечена 3 декабря 1914 г. *В. В.*) открыто стали против войны, объявив своим лозунгом «война войне». Этому, конечно, много способствовали полученные в Москве известные тезисы Ленина». [2]

Московская охранка здесь явно напутала. Как мы сейчас увидим, некоторая разноголосица среди большевиков

---

[1] См. об этом в статье т. Д. Баевского в томе I «Очерков по истории Октябрьской революции», под ред. М. Н. Покровского, стр. 344—346.

Считаю необходимым заметить, что эта статья послужила основным материалом для данной главы, а потому в дальнейшем я не буду делать специальных ссылок на нее.

[2] Ем. Ярославский. «Краткие очерки по истории ВКП (б), ч. II, стр. 106.

Москвы, действительно, была: в прокламациях московской организации того времени, действительно, порой звучат фальшивые ноты, но это, во-первых, отмечается в большевистских организациях и других городов, а, во-вторых, касается не общей их позиции по отношению к войне, а их отношения к тем или иным конкретным лозунгам.

За исключением некоторых кратковременных колебаний отдельных товарищей под влиянием известий о позиции Каутского, Геда и особенно Плеханова, [1] большевистские организации России дружно бросили клич: «долой войну!», выявляя ее империалистический характер. Это видно из прокламаций Харьковского и Самарского комитетов, Московской организации, Уральской группы и др. Но это свое отрицательное отношение к империалистической войне прокламации не доводят до лозунгов «гражданской войны» и «пораженчества».

Нет, еще, следовательно, ленинской оценки эпохи империализма, но этого и нельзя было еще требовать в то время от рядовых работников, оторванных от центра.

Так, в листке «руководящего коллектива Московской и окружной организации РСДРП», написанном т. Сольцем, содержится пояснение, что наш лозунг: «Долой войну! Да здравствует братская солидарность народов!» вовсе не означает, что мы этим «ослабляем наши силы в борьбе с германским правительством». Эта оговорка безусловно фальшива и идет в разрез с лозунгом «поражения».

---

[1] По свидетельству т. Н. Н. Крестинского, т. Шляпников сильно колебнулся под влиянием этих известий и даже оправдывал Гэда, заявив, что если бы он, Шляпников, был во Франции, то поступил бы добровольцем в иностранный легион.

Эти колебания не были у него продолжительны, и он, как известно, в течение всего периода войны являлся связующим звеном между заграничным ЦК и российскими организациями.

По свидетельству же самого т. Шляпникова у некоторых российских работников большое «недоумение» вызывал лозунг «пораженчества».

Характерно также выступление т. П. Г. Смидовича в конце сентября 1914 г. с докладом в Московской организации, в котором автор, на ряду с подчеркиванием империалистического характера войны, заявляет, что в виду недостаточной еще зрелости капитализма социалистическая революция еще не стоит на очереди.

Очевидно, такого рода непоследовательность и недоговоренность до конца и сбила с толку московского охранника.

Посмотрим теперь, в каком состоянии находился партийный аппарат с начала войны и как он восстанавливался в течение военного периода после разгрома.

От ЦК сохранилась лишь его заграничная часть в числе двух членов: тт. Ленина и Зиновьева.

В самой России до начала ноября 1914 г. действовало Бюро ЦК в составе 5 депутатов Думы и т. Каменева.

С его провалом уничтожалась в сущности всякая связь между отдельными организациями страны и руководство ими.

Виднейшие работники России: Сталин, Свердлов, Орджоникидзе и др., были в тюрьме или в Сибири.

Одно время работу ЦК пытался выполнять ПК (Петроградский комитет), который к концу 1915 г. имел связи с 16 крупнейшими центрами: Москвой, Екатеринославом, Харьковом, Киевом, Иваново-Вознесенском, Нижним-Новгородом (Сормово), Саратовом, Самарой, Пермью, Екатеринбургом, Тверью, Тулой, Ревелем, Нарвой, Царицыном и Кавказом.

Но эта работа ему, конечно, была не под силу, тем более, что связи имелись собственно с отдельными организациями перечисленных городов, ибо не существовало никаких областных или окружных органов. (В Москве, например, не было даже общегородского Комитета, были лишь районные объединения.) У ПК собственно едва хватало сил для об-

служивания самого Петрограда, организация в котором насчитывала до 3 000 членов.

Численность членов всех организаций России вряд ли доходила до 10 000.

Дело восстановления Бюро ЦК было насущнейшим. Осенью 1915 г. тт. Ленин и Зиновьев кооптируют в ЦК т. Шляпникова с поручением создать Бюро ЦК в России. Вскоре Бюро было создано из 3 членов с т. Шляпниковым во главе. Аппарат начал разрастаться и крепнуть вначале, но провалы свели его к весне 1916 г. на-нет. Лишь осенью 1916 г. удалось снова его восстановить, причем руководящая тройка составилась из тт. Шляпникова, Молотова и Залуцкого; установились регулярные связи с Москвой, Нижним, Киевом, Тулой, Донбассом, Воронежем и некоторыми заводами Урала и Сибири.

В начале 1917 г. начал выходить орган Бюро ЦК — «Осведомительный листок».

Делались попытки издания нелегальных газет: «Пролетарской правды» в Петрограде (вышло несколько номеров), «Звезды» в Екатеринославе и др.». [1]

Центральный орган партии, «Социал-Демократ», издавался в Швейцарии; всего вышло 26 номеров (с № 33 от 1 ноября 1914 г. до № 58 от 31 ноября 1917 г.); максимальный тираж — 2 000 экземпляров. [2]

---

[1] Ем. Ярославский. «Краткие очерки по истории ВКП (б), ч. II, стр. 101.

[2] «Записки Института Ленина», II, воспоминания т. Карпинского, стр. 79 и 81.

Т. Карпинский сообщает также следующую весьма забавную подробность: по полицейским правилам Швейцарской республики требовался «ответственный редактор». Для отыскания такового из швейцарских граждан т. Карпинский обратился к депутату женевского парламента, социал-патриоту, Эмилю Николэ. Этот последний, не поинтересовавшись даже направлением газеты, разрешил задачу в две минуты таким заявлением: «я, кажется, уже был редактором, ну, и теперь буду». Так за подписью швейцарского социал-шовиниста Э. Николэ и выходил Центральный орган партии мировой революции.

Редакция ЦО состояла также из тт. Ленина и Зиновьева; секретарем ЦК и ЦО была т. Крупская.

Кроме «Социал-Демократа», выходили журналы чисто теоретического характера: «Коммунист» и «Сборник Социал-Демократа».

Только благодаря гигантской работе заграничного центра и неимоверному напряжению сил работников России в неслыханно трудных условиях военной реакции дело собирания партии [1] подвигалось вперед, так что к концу 1916 г. т. Шляпников мог констатировать «повсеместное укрепление и расширение» ее работы.

Кроме общей пропаганды и агитации, а также организации пролетариата вокруг своих основных революционных лозунгов, партия развернула также широкую работу в борьбе за повседневные нужды широких слоев рабочих и вообще народных масс.

Она повела усиленную агитацию по вопросам растущей дороговизны, проникая в созданные в связи с нею рабочие организации: кооперативы и продовольственные комиссии; умелой работой по страховому движению большевики завоевывали себе доверие масс. Вообще большевики старались проникать и распространять свое влияние во всех легальных рабочих организациях: в профсоюзах (где они еще сохранились, напр. в Москве), в биржах труда, в культурно-просветительных обществах и особенно в общезаводских коллективах и стачечных комитетах.

Особое внимание уделялось работе по углублению и расширению стачечного движения, о развитии которого свидетельствуют следующие цифры, составленные на основании официальных данных: за 5 последних месяцев 1914 г. число

[1] Насколько труден был этот процесс собирания партии, показывают некоторые факты восстановления партийной организации совместными усилиями большевиков и меньшевиков (а иногда и эсеров, как, напр., в Николаеве). Лишь впоследствии происходило или размежевание или вытеснение большевиками меньшевиков.

стачечников было 34 752, в 1915 г. — 539 528, в 1916 г. — 951 695. [1]

Уделялось внимание и на работу среди непролетарских элементов: среди студенчества, в общегражданской кооперации, в санитарных попечительствах и по организации помощи беженцам.

Но на это в общем не хватало сил, поэтому нельзя говорить о планомерной согласованной в масштабе всей страны работе в этих областях, а лишь как об эпизодической деятельности отдельных организаций; например, более или менее заметная работа среди беженцев была развита лишь саратовским партийным комитетом и тульским.

В разобранных нами в одной из предыдущих глав данного раздела тезисах Ильича 1915 г. принята во внимание недостаточность партийных сил, а потому там говорится: «самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско».

Именно через армию, главным образом, большевики проводили свое влияние на крестьянскую массу. Но и в самой армии не было, как правило, партийных организаций: на фронтах работа велась единичными рабочими большевиками, которым удавалось нерегулярно связываться с тем или иным партийным комитетом (главным образом, Петрограда и Москвы) и получать от него литературу и необходимую информацию; в тылу работа была значительнее, но все же выражалась, главным образом, не в создании войсковых ячеек, а в воздействии на казармы прокламациями и устной агитацией находившихся там большевиков-рабочих.

Во флоте же имелись партийные организации, создан-

---

[1] Цифры взяты из таблицы статьи К. Сидорова «Рабочее движение в России в годы империалистической войны» в сборнике «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 330.

ные самими моряками по инициативе и при помощи большевистских партийных работников.

В своей работе в легальных учреждениях и особенно по развитию стачечного движения большевикам приходилось всегда сталкиваться с меньшевиками всех видов и мастей, противодействующими размаху революционного движения вообще и стачечного в частности.

Особой остроты борьба с меньшевиками достигла летом и осенью 1915 г. в связи с выборами в военно-промышленные комитеты.

«В жизни российской социал-демократии, — писал по этому поводу Ильич, — самый крупный факт теперь — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет». [1]

О социальном значении и роли военно-промышленных комитетов мы уже говорили; мы приводили также мнение т. Ленина, высказавшегося в своих тезисах 1915 г. против участия в этих комитетах, при чем он добавлял: «мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях».

Расширенный пленум ПК, с участием районных представителей, высказался также за то, чтобы «использовать кампанию, произвести выборы уполномоченных, на общегородском собрании дать бой, развить нашу точку зрения по отношению к войне, в выборах в комитет не участвовать или голосовать против». [2]

На собрании выборщиков 27 сентября 1915 г. в Петрограде тактика большевиков привела к полной победе. Хотя определенно стоявших на большевистской позиции было всего лишь 60 выборщиков из 198, а меньшевистско-эсеровского блока было 81 человек, большевикам удалось перетя-

---

[1] Н. Ленин. «Прикрытие социал-меньшевистской политики интернационалистскими фразами». Том XIII, стр. 216.

[2] Цитирую по статье Д. Баевского, стр. 398.

нуть на свою сторону всех неопределившихся заранее (57 человек) и провести свою резолюцию, содержание которой весьма ярко характеризуется следующим заявлением: «на завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены все усилия пролетариата. Лозунг «долой войну!» пролетариат должен осмыслить и углубить кличем «да здравствует социальная революция»! [1]

После такого провала Гвоздев доносом путем открытого письма в меньшевистской газете «Рабочее утро» о том, что по мандату одного выборщика прошло «постороннее лицо», т. е. Богдатьев, добивается ареста Богдатьева, аннулирования постановления 27 сентября и назначения новых выборов.

ПК высказался за отказ от участия в этом втором общегородском собрании. На этом состоявшемся 29 ноября собрании, на которое явилось 153 выборщика, большевики огласили свою декларацию, клеймящую «закулисную сделку изменников», и ушли с собрания вместе с другими сочувствующими их тактике.

Оставшиеся в количестве около 100 человек выбрали 10 представителей с доносчиком Гвоздевым во главе.

Такое же настроение рабочего класса отразили выборы и в других городах; всего «из общего числа 239 областных и местных комитетов выборы производились в 70 комитетах, причем рабочие представители выбраны только в 36 комитетах».

Результаты выборной кампании были в общем настолько неутешительны для социал-шовинистов, что именно в связи с ними Потресовы и Левицкие, как мы видели выше, стали упрекать российский пролетариат в отсутствии у него патриотизма и в нежелании принять войну.

---

[1] Цитирую по статье Д. Баевского, стр. 402.

5. ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«Предвидение тех социалистов, которые остались верны социализму и не поддались угару дикого, зверского военного настроения, оправдалось. Первая революция, порожденная всемирной разбойничьей войной между капиталистами разных стран, разразилась», [1] так писал Ильич несколько дней спустя после Февральского переворота, находясь еще в Швейцарии.

Империалистическая мировая война начала превращаться в войну гражданскую. Но так как революция началась «в одной из самых отсталых стран» Европы, в которой пролетариат «не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования», то состоявшаяся в конце апреля 1917 г. Всероссийская конференция нашей партии провозгласила эту революцию «только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной». [2]

Как мы увидим ниже, Апрельская конференция, давшая такую оценку «текущего момента», исходила уже из той основной идеи опубликованных т. Лениным немедленно по его приезде в Россию тезисов, которая признавала буржуазно-демократическую революцию России законченной в смысле перехода власти в руки буржуазии и процесс перерастания ее в революцию социалистическую начавшимся.

Самый же Февральско-мартовский переворот, приведший к крушению царского трона и к переходу власти из рук помещиков-крепостников в руки буржуазии и обуржуазив

---

[1] Н. Ленин. «Революция в России и задачи рабочих всех стран». Неоконченная рукопись. Ленинск. сборн. II, стр. 362.

[2] Протоколы Апрельской конференции, стр. 167. Разрядка моя. *В. В.*

шихся помещиков, Ильич определял как буржуазную социальную революцию.

«Всякий политический переворот, — писал он в мае 1917 г., — если это не смена клик, есть социальная революция, — вопрос только в том, социальная революция какого класса. Революция 27 февраля 1917 г. передала власть из рук крепостников-помещиков, возглавляемых Николаем II, в руки буржуазии. Это была социальная революция буржуазии». [1]

Каковы же были движущие силы этой буржуазной революции?

Оправдалась ли большевистская теория ее движущих сил?

Ответы на эти вопросы и составят содержание этой последней главы нашей работы.

Еще находясь за границей, при первых дошедших до него известиях о начавшейся в России революции, т. Ленин в своем первом «письме издалека» поставил вопрос: «как могло случиться такое „чудо" что всего в 8 дней... развалилась монархия, державшаяся веками?..»

Безусловно, война явилась лишь «всесильным режиссером», «могучим ускорителем» событий: «поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию»... [2]

Ильич подчеркивает слово «все». Неужели и крепостники-помещики, — может кто-либо спросить, — выступили против самодержавия?

Конечно, нет: это был бы абсурд, ибо крепостническое землевладение и было социальной опорой самодержавия.

---

[1] Н. Ленин. «Как запугивают народ капиталисты». Том XIV, часть I, стр. 203. Разрядка Ильича.

[2] Н. Ленин. «Первый этап первой революции», т. XIV, ч. I, стр. 5, 6 и 8. Курсив т. Ленина.

Подчеркивание слова «все» имеет именно тот смысл, что оно оттеняет необычайную слабость этой социальной опоры самодержавия, его гнилость. Только вследствие дряблости и трусости российской буржуазии, не решавшейся из страха развязать народную революцию, на более радикальные средства, чем припадание к стопам с мольбой об изменении курса политики, только вследствие этой контрреволюционности буржуазии самодержавие могло держаться еще последние годы, опираясь на столь слабый фундамент, каким являлся класс крепостников-помещиков.

Гнет этого класса над всей страной усиливался и рос параллельно уменьшению его силы.

«Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907 — 1917 гг.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты", раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых, — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, — этих „первых среди равных" помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности». [1]

Одновременно с этим шел рост нового класса, «класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который как за время революции 1905 — 1907 гг., так и за время контрреволюции 1907 — 1914 гг, как, наконец, — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914 — 1917 гг. чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование,

[1] Н. Ленин. «Первый этап первой революции», т. XIV, ч. I, стр. 6. Разрядка Ильича.

и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс „почти совсем" был уже у власти к 1917 г.; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии».[1]

Еще в 1911 г. в полемике с наиболее откровенными ликвидаторами, Потресовым и Лариным, а также со скатившимся к ликвидаторству бывшим большевиком, Н. Рожковым, т. Ленин отмечал основную черту эволюции «русского государственного строя», изменявшего «свой классовый характер в одном определенном направлении» в течение последних трех столетий, именно в направлении своего превращения в буржуазную монархию.[2]

Одним таким «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную» были земельная и другие реформы 60-х годов, продлившие, путем открытия некоторого клапана для капиталистического развития производительных сил страны, политическое господство крепостников-помещиков, но зато расширившие базу для развития противоречия между этим господством и хозяйственной эволюцией страны по буржуазному пути.

После революции 1905 — 1907 гг., которая «только надломила, но не уничтожила самодержавия»,[3] процесс превращения в буржуазную монархию шел дальше: третья Дума и Столыпинская аграрная реформа — не что иное, как «второй и более серьезный шаг по тому же пути».[4]

И подобно крестьянской реформе Александра II, буржуазная аграрная политика Николая II проводилась теми

---

[1] Н. Ленин. «Первый этап первой революции», т. XIV, ч. I, стр. 10. Разрядка Ильича.

[2] Н. Ленин. «Наши упразднители». Т. XI, ч. II, стр. 201, а также в том же томе «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», стр. 239.

[3] Н. Ленин. «Пятидесятилетие падения крепостного права». Т. XI, ч. II, стр. 221.

[4] Н. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Т. XI, ч. II, стр. 265. Разрядка Ильича.

же помещиками-крепостниками в своих интересах при опоре на контр-революционное настроение буржуазии. Снова было продлено существование господства крепостников-помещиков путем открытия нового и на этот раз уже «последнего клапана»: основное же противоречие между старой политической надстройкой и буржуазным развитием хозяйства страны стало еще острее.

Капиталистическое развитие хозяйства России приводило ко все большему сужению социального базиса самодержавия, путем постепенного перерождения крепостнического хозяйства в буржуазное и, следовательно, превращения части крепостников-помещиков в капиталистических помещиков, в сельскохозяйственную буржуазию.

Но от того, что под влиянием такого процесса перерождения помещичьего хозяйства, графы Бобринские и Шульгины переходили в лагерь буржуазной оппозиции, власть Марковых 2-х и Пуришкевичей не уменьшалась.

«Марковы 2-е и Пуришкевичи, — писал Ильич в конце 1911 г., — у нас всесильны, и в Думе, и еще более в Гос. Совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией». [1]

К концу войны уже заколебался, как известно, даже Пуришкевич, отмежевываясь иногда от крайних правых и присоединяясь «к прогрессивному блоку», объединявшему собой почти всю Думу. Заколебался и Государственный Совет, но власть черносотенной царской шайки с Марковым 2-м во главе не уменьшилась ни на иоту. Следующие слова, сказанные Ильичом в 1911 г., вполне применимы к этой «кучке крепостников-помещиков» конца 1916 и начала 1917 г.

«Именно ее власть и ее доходы обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями Рос-

---

[1] В. Ленин. «Из лагеря Столыпинской „рабочей" партии». Т. XI, ч. II, стр. 442. Разрядка Ильича.

сии, именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу и доверху». [1]

Очень характерна в этом отношении одна страничка из записок председателя IV Думы, октябриста М. В. Родзянко: он описывает одно из заседаний Гос. Думы конца 1916 г., когда Пуришкевич, обратившись к ложе министров, призывал их «броситься к ногам государя императора и умолять его поверить всему ужасу распутинского влияния... и изменить программе». К этому сообщению Родзянко добавляет, что и «в настроении Гос. Совета» произошла «резкая перемена»: и он принял резолюцию о необходимости привлечения к власти лиц, «облеченных доверием страны», а во время прений князь Евгений Трубецкой (сначала кадет, а затем «мирнообновленец») также призывал членов синода «взять свой крест, итти к царю и умолять его избавить церковь и правительство от грязных влияний». [2]

Как же реагировали на это Николай и Марков, оба вторые и оба последние?

На заседании Думы 22 ноября Марков 2-й подходит в упор к председательскому креслу и громогласно кричит председателю: «Вы мерзавец! мерзавец! мерзавец!», а затем в своем оправдательном слове, обращаясь ко всем членам Думы, заявляет: «Я хотел оскорбить вашего председателя и в его лице я хотел оскорбить всех вас, господа». [3]

А Николай II, уже 27 февраля 1917 г., в тот день, когда участь его, собственно говоря, была уже решена успешным развитием народного восстания, в ответ на одну из телеграмм Родзянки с обычной мольбой об уступках, замечал

---

[1] Н. Ленин. «Манифест либеральной рабочей партии». Том XI, ч. II, стр. 412.
[2] М. В. Родзянко. «Крушение империи». Прибой, стр. 199 — 200.
[3] Там же, стр. 197 — 198.

своему придворному, барону Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду отвечать». [1]

Эти события конца 1916 и начала 1917 г. как нельзя лучше доказали правоту Владимира Ильича, когда он в споре с Рожковым в 1911 г. указывал, что правильно отмеченный Рожковым, хотя и сильно им преувеличенный в то время, факт перерождения крепостнического (отработочного) помещичьего хозяйства в буржуазное (т. е. основанное на техническом прогрессе орудий производства и на наемном труде) вовсе не говорит о неизбежности компромисса, о мирном отнятии власти у крепостников-помещиков с Николаем Романовым во главе умеренно-прогрессивной буржуазией. Рожков пришел к той основной мысли ликвидаторов, которую Ларин образно выражал формулой: «Октябрь 1905 г. не стоит на очереди».

Нет, говорил т. Ленин, «умеренно-прогрессивные» октябристы и кадеты увековечивают, а не подрывают это господство Романовых и Марковых 2-х. «Противоречие между этим господством и, несомненно, идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее (а не слабее, как думают теоретики „неизбежного компромисса"). Движущей силой разрешения этого противоречия могут быть только массы, т. е. пролетариат, ведущий за собой крестьянство». Никакая другая социальная сила не может заставить «пойти на компромисс Пуришкевичей, у коих в руках вся власть». [2]

---

[1] Н. Авдеев. «Революция 1917 года». (Хроника событий.) Том I. Январь-апрель. Госизд., стр. 38.

[2] Н. Ленин. «Из лагеря Столыпинской „рабочей" партии». Т. XI, ч. II, стр. 443.

Ту же непримиримость позиции крепостников-помещиков Ильич подчеркивает и в 1915 году: «Перед нами, — писал он в статье «Поражение России и революционный кризис», — ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: „не отдать" России либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой». («Правда», № 260 от 7 авг. 1928 г.)

Но если жизнь вскрыла всю утопичность ликвидаторских надежд на мирное разрешение вопроса о переходе власти к буржуазии, то на первый взгляд может показаться, что она все же в значительной степени оправдала меньшевистскую концепцию движущих сил буржуазной революции в России.

События начала 1917 г. показали как будто, что и буржуазия, принимавшая активное участие в свержении царизма, была одной из движущих сил революции. Ведь и Ильич говорил о том, что рабочие и солдаты в своей борьбе получили непредвиденных «союзников не только в лице русской буржуазии, но и англо-французских капиталистов».

Во-первых, как т. Ленин разъяснил на Петроградской общегородской конференции в середине апреля 1917 г., такая помощь буржуазии была необходима не для успеха революции вообще, а «лишь для того, чтобы революция победила в 8 дней», [1] а во-вторых, не всякое участие в революции дает право на звание ее движущей силы.

Движущими силами революции являются не те классы, которые по тем или иным причинам принимают то или иное участие в борьбе против старого режима, а те, которые «способны, в силу «объективно экономических условий сделать победоносной русскую буржуазную революцию», которые «способны действовать в духе победоносного завершения революции».[2]

Большевизм не мало усилий потратил в спорах с меньшевиками на доказательство контр-революционного характера нашей буржуазии, на доказательство того положения, что «понятие буржуазной революции недостаточно еще опре-

---

[1] Протоколы Петроградской общегородской конференции РСДРП (большевиков), стр. 8.

[2] Н. Ленин. «К оценке русской революции». Том XI, ч. I, стр. 77. Разрядка Ильича.

деляет те силы, которые могут одержать победу в такой революции» и что «победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии». [1]

Мы не можем здесь останавливаться на этих теоретических доказательствах, посмотрим лишь, оправдались ли они на опыте Февральской революции.

Для этого необходимо выяснить, во-первых, формы участия в ней буржуазии и, во-вторых, мотивы этого участия.

«Питерские рабочие и солдаты, — писал по этому поводу т. Ленин, — как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистической бойни. Англо-французский империалистский капитал в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму».

В другом месте той же статьи Владимир Ильич еще точнее указывает ближайшие задачи, которые ставила себе буржуазия в интересах продолжения войны: именно, противодействие планам Николая II заключить сепаратный мир с Германией и замена одного монарха другим. [2]

С самого начала войны вся буржуазия дружно сплотилась вокруг лозунга войны до победного конца. С этой целью все ее политические партии высказались в Думе за поддержку правительства, хотя, по свидетельству кадета В. Д. Набокова, Родичев уже на одном из заседаний ЦК кадетской партии начала войны, на котором обсуждалась

---

[1] Н. Ленин. «К оценке русской революции». т. XI, ч. I, стр. 78. Разрядка т. Ленина.

[2] Н. Ленин. «Первый этап первой революции». Т. XIV, ч. I, стр. 8 и 9.

тактика поддержки кабинета, воскликнул: «Да неужели вы думаете, что с этими дураками можно победить?» [1]

Последовавшие затем военные поражения оправдали полностью сомнения этого виднейшего из кадетских ораторов, и тактика поддержки правительства сменяется борьбой с ним за образование ответственного перед Думой министерства или хотя бы и не ответственного перед ней, но составленного из лиц, «облеченных доверием страны».

Эта борьба, конечно, строго ограничивалась думскими речами и газетными статьями в пределах допускаемого цензурой военного времени.

Эти чисто словесные выступления однако подчас были очень резки и несомненно имели свое эхо в стране, начинавшей уже понимать, что нельзя, по выражению кадета Кокошкина, «одновременно быть с царем и быть с Россией, — что быть с царем, значит быть против России». [2]

На почве этой словесной борьбы с правительством и образовался думский «прогрессивный блок» с очень умеренной программой. В этот блок входили все фракции обуржуазившихся помещиков и буржуазии: националисты с ярым антисемитом-погромщиком Шульгиным во главе, октябристы всех оттенков, прогрессисты и кадеты.

Все объединились под одним лозунгом: «все для войны». Для успешного ведения войны Шульгины примирились не только с Милюковым, но и с еврейской буржуазией. Ведь теперь, писал Шульгин, «руководящее еврейство поставило ставку „на патриотизм“ . . . Вся русская печать (а ведь она на три четверти была еврейская) требовала войны „до победного конца“ . . . Этого нельзя было не заметить, и на это следовало ответить обнадеживающим жестом». [3]

[1] В. Д. Набоков. «Временное правительство». Изд. т-ва «Мир», 1923 г., стр. 97.

[2] Там же, стр. 96.

[3] В. Шульгин. «Дни». Изд. Прибой, 1925 г., стр. 50. Таким «обнадеживающим жестом было принятие в числе прочих пунктов про-

Поистине трагично было положение этого «прогрессивного блока». Он добивался в интересах доведения войны до «победного конца» ухода ведущего к разгрому страны правительства, но это «обесчещенное правительство, с пятном измены на щеке», по выражению того же Шульгина, продолжало оставаться у власти.

Очевидно, одним «словом» его нельзя было пронять. Апеллировать к массам, чтобы заставить его уйти силой, это значит развязать революцию. Этого буржуазия боялась больше всего. Известно крылатое изречение Милюкова: «Лучше поражение, чем революция». И это говорил Милюков, получивший за свои аннексионистские стремления прозвище Дарданельского. [1]

Из боязни революции, и только по этой причине, Милюков упорно повторял: Мы будем «действовать словом и только словом».

Истинный смысл этого нежелания от слов перейти к более действительным средствам борьбы откровенно вскрыл Шульгин: «наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума... Таким образом и создался прогрессивный блок». [2]

граммы «прогрессивного блока» пункта о «вступлении на путь отмены ограничительных в отношении евреев законов».

Не требование отмены этих варварских законов, а лишь «вступление на путь отмены». Но и то при одном воспоминании о принятии этого пункта у Шульгина вырывается невольный вздох: «боже мой, как это было трудно».

[1] Об этих ультраимпериалистических настроениях Милюкова свидетельствует его друг и соратник кадет Набоков, оговариваясь, правда, что эти настроения были у Милюкова лишь временной «поверхностной накипью». Вот что пишет Набоков:

«Известные договоры с Италией и Румынией иного значения, как договоров о дележе добычи, не имеют. Конечно, к этой добыче стремились во имя национальных. а не каких-либо личных интересов. Конечно, и Милюков, ухватившийся и до самого конца цепко державшийся за обещание Константинополя и проливов, думал только о благе России. Но в конце концов все завоевательные стремления точно также могут быть оправдываемы ссылкой на заботу о благе страны». (В. Д. Набоков. «Временное правительство», стр. 98.)

[2] В. Шульгин. «Дни», стр. 92.

Нам, признавался этот лидер националистов, оставалось только одно: «говорить „здесь“ до конца, чтобы страна „там“ молчала», ибо «если мы замолчим, заговорит улица». [1]

Но правительство все же не уходило, и даже больше того, убедившись само в своей неспособности вести войну, оно начало подготовлять заключение сепаратного мира с Германией.

При таком обороте дел, теряла свою магическую силу формула: «Лучше поражение, чем революция», ибо сепаратный мир означал отказ от Константинополя и Дарданелл, означал признание поражения с перспективой неизбежной революции.

И поражение и революция! — это было уже слишком, и буржуазия стала подумывать о более радикальных средствах, и в первую голову о „старо-русском“ способе борьбы — о дворцовом перевороте.

Дальше разговоров и самых общих планов устранения Николая II с провозглашением царем его сына при регентстве великого князя Михаила дело не пошло.

Но в этих разговорах и обсуждении планов принимали участие чуть ли не все виднейшие лидеры буржуазных партий и представители высшего командования армии». [2]

---

[1] В. Шульгин. «Дни», стр. 64.

[2] Об одном из таких разговоров, происходивших на квартире председателя Думы, рассказывает в своих записках сам Родзянко: генерал Крымов сделал доклад о положении в армии и ее настроении, заключительным выводом которого было: «переворот неизбежен... времени терять нельзя». Его поддержал кадет Шингарев, а октябрист Шидловский «с озлоблением» добавил: «щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию».

«Многие из членов Думы, — добавляет Родзянко, — соглашались с Шингаревым и Шидловским; поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: „Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией“. (М. В. Родзянко. «Крушение империи», «Прибой», стр. 208.)

Тот же Родзянко рассказывает, как великая княгиня Мария Павловна хотела вовлечь его в заговор с целью, «уничтожить» императрицу. Там же, стр. 210.

Но привести в исполнение свой план отстранения Николая II от престола им удалось лишь тогда, когда, вопреки их желанию и усилиям, заговорила улица; до этого времени им удалось лишь уничтожить Распутина.

«В начале XX века, — замечает по этому поводу Шульгин, — эти люди стали мельче... На дворцовый переворот их не хватило... вместо этого они убили Распутина». [1]

Таково было поведение буржуазии, пока на сцену не выступил народ, т. е. рабочие и солдаты.

Можно ли назвать, на основании всего вышеизложенного, буржуазию революционной силой? Ее контр-революционная роль не подлежит сомнению.

Значит ли это, что, несмотря на все свои стремления и усилия избежать революции, буржуазия своими разоблачениями и дискредитированием правительства не приносила никакой пользы революции, возбуждая ненависть и худшие подозрения к власти в самых широких слоях населения, куда не доходила революционная пропаганда, и тем обессиливая правительство. Конечно, не значит.

Недаром сам Шульгин нередко мучился вопросом: нашей словесной борьбой с правительством «исполняем ли мы свое намерение? Тушим ли мы революцию?»

Вот почему Ильич писал: «Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба

---

[1] В. Шульгин. «Дни», стр. 85. Шульгин передает, между прочим, следующие слова Пуришкевича, объяснявшего ему мотивы своего участия в убийстве Григория Распутина:

«Монархия гибнет... Вы знаете, что происходит? В кинематографах запретили давать фильму, где показывалось, как государь возлагает на себя георгиевский крест. Почему?.. Потому что, как только начнут показывать, — из темноты голос: «царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием»...

Бьюкэнена, Гучкова, Милюкова и К-о, желавших только смены одного монарха другим». [1]

Контр-революционная роль буржуазии стала еще очевиднее, когда ей стало ясно, что потушить революцию ей не удалось.

Мы отмечали в предыдущей лекции рост стачечного движения во время войны. Начало 1917 г. ознаменовывается огромными стачками в день двенадцатой годовщины «кровавого воскресенья», 9 января 1905 г. В одном Петрограде бастовало до 300 000 рабочих.

С середины февраля движение в столице нарастает с неудержимой силой, и с 23 февраля, международного женского дня, ознаменовавшегося мощным выступлением работниц с требованием «хлеба и мира», начались события, решившие ко 2 марта участь самодержавия.

Уже к 25 февраля забастовка становится всеобщей, а 27-го числа того же месяца город оказался уже всецело во власти рабочих и солдат. В этот же день образовался Петроградский совет рабочих депутатов. В Москве также всеобщая забастовка и выступления масс на улицу приводят к возникновению 1 марта Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

2 марта царь подписывает отречение от престола. И вот в этот момент, когда революционные рабочие и солдаты разрушали до основания гнусную царскую монархию, буржуазия пытается возглавить движение с целью его обезглавления. Она старается захватить в свои руки руководство им, чтобы сократить его размах, не дать ему развиться далее замены самодержавия конституционной монархией и придать ему направление в сторону продолжения войны.

Для этой цели она пытается сделать Думу центром движения.

---

[1] Н. Ленин. «Первый этап первой революции». Том XIV, ч. I, стр. 9. Разрядка Ильича.

Государственная Дума после 2-месячного перерыва возобновила свои заседания 14 февраля 1917 г.

Еще за две недели до ее открытия правительство арестовало всех членов (кроме двух) Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете.

В защиту „Рабочей группы", с единодушным протестом против ее ареста выступили виднейшие представители буржуазии различных политических оттенков.

«Горячий протест» против ареста „Рабочей группы" опубликовало бюро Центр. военно-промышл. комитета, в котором члены этой группы характеризовались как примыкавшие «по своим воззрениям к так называемым «меньшевикам», т. е. к одному из более умеренных политических течений среди рабочих», и далеких «от методов борьбы, обычно применяемых революционными партиями».

В Думе в защиту Рабочей группы горячо выступал представитель торгово-промышленного капитала Коновалов, поддержанный кадетом Волковым.

Это была весьма яркая демонстрация единения меньшевиков с буржуазией.

Меньшевики, исходя из своей теории движущих сил буржуазной революции, призывали пролетариат к поддержке буржуазии, которая одними «только своими силами» не в состоянии «довести до конца» свою борьбу со старой властью.[1] Поэтому, по свидетельству меньшевика-оборонца Евг. Маевского, на многолюдных собраниях рабочих конца 1916 и начала 1917 г., они «убеждали рабочих в необходимости во имя революции координировать свои усилия с усилиями некоторых кругов прогрессивной буржуазии и использовать Думу, как общероссийский центр, на котором, в его столкновениях с правитель-

---

[1] «Письмо к рабочим всех фабрик и заводов г. Петрограда», в сборнике документов «Концы революции», стр. 96 — 97.

ственной властью, сосредоточивается всенародное внимание». [1]

Ко дню открытия Гос. думы они призывали рабочих «выйти все до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу».

В той же прокламации, озаглавленной: «Письмо к рабочим всех фабрик и заводов г. Петрограда», говорится о том, что необходимо немедленно учреждение временного правительства, опирающегося не только на Думу, но и на организующийся в борьбе народ». [2]

Одним словом, меньшевики, как и всегда, оказались к услугам буржуазии и способствовали осуществлению ее планов захватить руководство движением, сконцентрировав его вокруг Думы.

Когда, 27 февраля, Родзянко сообщил в Думе о полученном им накануне приказе «прервать с 26 февраля» занятия Думы вплоть до апреля, то, учитывая происходившие в этот день решающие события на улицах Петрограда, Государственная Дума произвела настоящий «бунт на коленях».

По существу она не подчинилась приказу, но это свое неподчинение она облекла в следующую холопскую форму.

Она приняла решение: «императорскому указу о роспуске подчиниться — считать Государственную думу не функционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собраться на «частное совещание». [3]

Вся Дума в полном составе переселилась в соседний зал и там под председательством того же Родзянки открыла «частное совещание», которое после обсуждения положения поручило Совету старейшин образовать Временный комитет.

Совет старейшин исполнил волю этого «частного сове-

---

[1] Там же, предисловие Маевского, стр. 6.
[2] Там же, стр. 97 и 99.
[3] В. Шульгин. «Дни», стр. 107.

щания» и избрал Комитет, которому, по свидетельству того же Шульгина, все члены Думы обязались беспрекословно повиноваться и который все же принял название «Временного комитета Государственной думы», а не частного совещания некоторых граждан.

Этот Временный комитет, избранный Государственной думой 27 февраля, хотя и переставшей функционировать, согласно императорскому указу с 26 февраля, составился из следующих 13 членов думы: Шульгин — националист, В. Львов — центр, Родзянко, Дмитрюков, Шидловский (октябристы), Милюков, Некрасов (кадеты), Ржевский, Коновалов, Ефремов (прогрессисты), Караулов (беспартийный), Керенский (трудовик) и Чхеидзе (с.-д. меньшевик). Ближайшей задачей Комитета было объявлено восстановление порядка в столице и сношение с общественными организациями и учреждениями. [1]

«В сущности, — вполне справедливо замечает по этому поводу Шульгин, — это было Бюро прогрессивного блока с прибавлением Керенского и Чхеидзе. Это было расширение блока налево, о котором я когда-то говорил с Шингаревым, — но, увы, при какой обстановке произошло это расширение...

Страх перед улицей загнал в одну „коллегию" Шульгина и Чхеидзе»... [2]

Таким образом создался один орган власти, выдвинутый буржуазией при усиленной поддержке меньшевиков.

Восстание рабочих и крестьян привело к образованию другого органа власти, Петроградского совета рабочих депутатов, который вскоре стал Советом рабочих и солдатских депутатов.

---

[1] Н. Авдеев. «Революция 1917 г.» (Хроника событий.) Стр. 39. В этой хронике Н. Авдеева пропущен Ефремов, которого называет Шульгин и другие.

[2] В. Шульгин. «Дни», стр. 110.

Появление на исторической сцене этого претендента на власть по праву революции усилило лишь стремление буржуазии к сохранению монархии, стремление праву революции противопоставить право основных законов государства российского.

Чтобы воспрепятствовать претензиям Совета на власть, так сказать, предупредить эти претензии, вождь кадетской партии Милюков, уже на следующей день после образования Временного комитета, в своих речах перед солдатами и офицерами, собравшимися у Таврического дворца, развивал ту основную мысль, что «в настоящее время есть единственная власть, которую все должны слушать: это Временный комитет Государственной думы. Двоевластия быть не должно».

Буржуазия всеми силами старалась представить в сознании народа дело так, будто осуществилась ее мечта решить проблему власти без революции, что власть перешла к ней на наизаконнейшем основании: царь Николай II отрекся от престола по собственному своему желанию; по основным законам престолонаследия императором становится его малолетний сын, Алексей, а регентом при нем брат отрекшегося царя — Михаил. [1] Регент назначает новое правительство из «облеченных доверием людей», т. е. из кадетов и октябристов. Никакой революции не было, были лишь небольшие уличные беспорядки в столице.

---

[1] Правда, замечает по этому поводу кадет Набоков, наши основные законы о престолонаследии не предусматривали отречения от престола, но факт все же остается фактом и при молчании основных законов остается один лишь выход: «последовать тому же порядку, какой имел бы место, если бы умер Николай II».

Набоков высказывает очень большое недовольство тем, что Николай отрекся от престола и за себя и за сына и тем спутал все карты, ибо «передача престола Михаилу была актом незаконным».

«Престол российский, — бурчит раздосадованный кадетский законник, — не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по собственному усмотрению». (В. Д. Набоков. «Временное правительство», стр. 28.)

1 марта Временный комитет посылает к царю делегацию из Гучкова и Шульгина для получения от него подписи под актом отречения в пользу сына. 2 марта акт отречения был подписан, но не в пользу сына, а в пользу брата царя, Михаила. Этот последний, как известно, не рискнул, несмотря на уговоры кадетов, принять на себя «тяжкое бремя», возложенное на него «волею брата» «в годину беспримерной войны и волнений народа», и поспешил немедленно (3 марта) отречься, пока не будет выявлена «воля великого народа» через его представителей в Учредительном собрании.

Если с узаконением монарха и монархии дело сорвалось, то несколько удачнее обстояло дело с назначением «монаршей волею» председателя Совета министров, князя Г. Е. Львова, и главнокомандующего Петроградским военным округом, Л. Г. Корнилова. Но этот успех, после провала планов спасения монархии, решили «тщательнейшим образом скрывать, чтобы не подорвать положения князя Львова». [1]

Контр-революционная сущность характера действий буржуазии в момент Февральско-мартовского переворота, таким образом, также не может вызывать сомнения.

И если Милюков для того, чтобы подсластить пилюлю сохранения монархии в речах перед народом употреблял иногда такие выражения по адресу Николая II, как «старый деспот», то его верный союзник Шульгин в записках был откровеннее: беда Николая была в именно том, что он лишился силы быть деспотом.

---

[1] В. Шульгин. «Дни», стр. 201. Не лишено интереса откровенное признание Шульгина о маленькой передержке, которую совершили Николай II и делегаты Временного комитета при подписании назначения князя Львова. Это назначение было подписано уже после отречения, но «для действительности акта» оно было помечено двумя часами раньше отречения (стр. 182).

О назначении Корнилова см. ст. М. Покровского «Исторический смысл Февраля», «Пролетарская революция», № 2 — 3 за 1927 г.

«Николай I, — писал Шульгин, — повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России.

Это будет значить, что у нас есть государь, что у нас есть власть»... [1]

И если бы такая власть вела умелую политику продолжения войны, то против нее не составлялось бы заговоров, она не квалифицировалась бы деспотической, но для этого она должна была стать властью буржуазии, а не помещиков-крепостников.

Это стремление буржуазии к превращению помещичьей монархии в буржуазную, ее действия, направленные при подстрекательстве английского и французского послов, этих ставленников англо-французского капитала, к замене одного монарха другим не могли, конечно, не способствовать крушению старого порядка, и следовательно, облегчать борьбу, в известные периоды, единственно революционной силы, рабочих и крестьян в солдатской шинели. Очевидна также полная зависимость некоторых успехов действий буржуазии от успехов восстания пролетариата и солдат. Государственная дума могла 27 февраля не подчиниться царскому указу о роспуске, даже в той холопской форме, которая была описана выше, лишь потому, что на улицах столицы успешно развивалось восстание рабочих и солдат; только в силу победы этого восстания буржуазии удалось добиться 2 марта отречения Николая II.

С другой стороны, решающее влияние силы рабоче-солдатского восстания сказалось в крушении попыток буржуазии спасти монархию.

Все это показывает, что движущими силами самого Февральско-мартовского переворота, т. е. той стадии развития революции, которую обычно именуют Февральской, бур-

[1] В. Шульгин. «Дни», стр. 124.

жуазной революцией, были лишь пролетариат и крестьянство, составлявшее подавляющее большинство восставшей солдатской массы.

Что же касается либеральной буржуазии, то ее роль в революции всецело и вполне оправдала данную ей Ильичом еще в 1915 г. оценку: «воспользоваться поражением и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией». [1]

---

[1] Н. Ленин. «Поражение России и революционный кризис», «Правда», № 260 от 7 ноября 1928 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие автора 3

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

1. Империализм — канун социальной революции пролетариата 5
2. Закон неравномерности развития и его значение 8
3. Характер мировой войны 1914 — 1918 гг. 20
4. Причины краха II Интернационала 30

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

1. Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую 47
2. Лозунг поражения своего правительства 54
3. Лозунг нового, III Интернационала 65
4. Циммервальдский Интернационал 69

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

1. «Брюссельский блок» во время войны 83
2. Проблема русской революции 93
3. Разногласия среди большевиков и борьба с левыми уклонами 106
4. Состояние партийной организации и ее работа 117
5. Характер и движущие силы Февральской революции . . . 127

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1917 год
В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

Под общей редакцией
М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева
(Центрархив)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисл. Я. Яковлева. Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

Первый Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских депутатов. Протоколы заседаний. (Печатается.)

Второй Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских депутатов. Протоколы заседаний. Стр. XI, 180. Ц. 2 р.

Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Март — апрель 1917 г. Протоколы заседаний. Стр. 356. Ц. 4 р. 50 к.

Крестьянское движение в 1917 году. Материалы и документы. С предисловием Я. А. Яковлева. Том I. Стр. 471. Ц. 5 р. 25 к.

Разложение армии в 1917 году. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. Стр. 192, карта. Ц. 1 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. Панкратов. С предисловием Я. А. Яковлева. Стр. 371. Ц. 4 р.

Буржуазия накануне Февральской революции. Подготовила к печати Б. Б. Граве. Стр. XVIII, 204. Ц. 2 р. 40 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

90 коп. 9356

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КОМИНТЕРН

ХОЗЯЙСТВО, ПОЛИТИКА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

ЗА 1924—1927 ГОДЫ

Стр. 1133. Ц. 8 р.

Настоящий Ежегодник политики и рабочего движения, вышедший на русском языке, появился на немецком языке, как Ежегодник 1925—1926 г. В Западной Европе Ежегодник стал уже необходимым пособием для работников Коммунистической партии и нашел себе доступ и в другие круги, имеющие дело с рабочим движением либо потому, что оно входит в сферу их профессиональных интересов, либо вследствие других причин.

Настоящее русское издание, однако, лишь отчасти тождественно с последним немецким изданием. В русском издании пропущена часть, касающаяся Советского Союза. Редакция и издательство русского издания руководились тем соображением, что на русском языке имеется достаточно справочных изданий, трактующих о политических и хозяйственных вопросах Советского союза.

Русское издание не только дает перевод немецкого текста, но значительно пополняет и расширяет его.

*

ПАРТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Справочник пропагандиста

Сборник статей о важнейших секциях Коминтерна

Под редакцией Д. Петровского

Стр. XVI, 205. Ц. 1 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА